

Александр Забусов

ВАРЯГ

Уходящий
троном
возврата

Варяг

Александр Забусов

Уходящий тропею возврата

«Издательство АСТ»

2020

Забусов А. В.

Уходящий тропею возврата / А. В. Забусов — «Издательство АСТ», 2020 — (Варяг)

Прошло девять лет с тех пор, как наши современники очутились в десятом веке. Настал срок открытия «прохода» в век двадцать первый, но снова беда приходит на Русь. Орды половецких ханов хлынули на земли Черниговского княжества, и снова боярин Гордей, он же майор Монзырев, со своими современниками становится на защиту отечества. Варяг, живущий по закону Русской Правды, не мог поступить иначе.

© Забусов А. В., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

1	5
2	14
3	19
4	29
5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Забусов

Книга 4

Уходящий тропею возврата

1

– Я искренне признателен, уважаемая Парсбит-хатун, и вам и вашему сыну, Ябел-беку, за то, что позволили остановиться в вашем поместье. Приютили и обогрели. Ночевать в степи в такое время для моих старых костей сущее мучение.

– Не надо лишних слов, ребе. Как можно было поступить иначе?

В жарко натопленной зале, относившейся к женской половине дома, где полноправной хозяйкой была мать местного феодала, родового князя Ябела, Парсбит, в креслах перед открытым пламенем печи сидели мужчина и женщина, оба в преклонном возрасте. Морщины на когда-то красивом лице женщины, одетой в дорогие одежды из тонкой ткани и цветной шерсти, отмечали ее земной путь. Мужчина в одежде священника – иудея, с покрытой куском белого полотна головой, с рисунком каймы по краю, обладал длинной седой бородой. Его старческие в прожилках вен руки опирались на перекрестье инкрустированного костью, покрытого лаком деревянного посоха. Подавшись вперед и придвинувшись к собеседнице, священник взглядом прозрачных голубых глаз заглянул ей в лицо, понизив голос, сказал:

– Парсбит-хатун, я принадлежу к религиозному течению нашей церкви, именуемому ловцы снов. Видимо, Господь наш, не зря привел меня к вашему порогу. Под сенью этого дома мне кое-что открылось.

Хозяйка поместья рукой остановила речь священника.

– Акшана, – обратилась она к сидевшей у окна девушке, – иди, посмотри, милая, что там с обедом. Можешь не торопиться.

Встав с табурета, девушка кивнула хозяйке и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Так о чем вы хотели сказать, святой отец?

– Ах, да! – старый раввин уместился поудобнее в кресле, облокотился левой рукой на подлокотник. – Во сне мы чувствуем себя как рыба в воде. Время от времени мы выныриваем из сна, окидываем взглядом собравшихся на берегу и опять погружаемся, торопливо и жадно, потому что нам хорошо только на глубине. Это мистическое искусство поглощает нас полностью, боимся мы только одного, что, однажды вынырнув на поверхность, не сможем вернуться назад. Тому, кто подошел к концу пути, больше некуда двигаться. Уважаемая Парсбит-хатун, не хочу вас пугать, но под крышей этого дома я увидел для себя конец земного пути. Опасность грозит и всем вашим близким. Что-то должно произойти в самое ближайшее время.

Высказавшись, священник умолк, смотрел, как мысли и чувства после услышанного отразились на лице хозяйки большого дома.

– Неужели пачинаки?

– Я бы так не сказал. Сон дал четкую информацию, что опасность придет с востока, тысячи желтых, хищных рыб с узкими глазами заполонят степной океан.

– Я ненадолго покину вас, – взволнованно произнесла старая женщина, поднимаясь на ноги. – Я должна переговорить с сыном. Ах, как все не вовремя. Савар вот уж день прошел, как ускакал на охоту. Это значит, вернется не сегодня, скорее всего, даже не завтра.

Последнее она говорила, кажется, только для себя. Вышла из залы, оставив раввина одного у открытого огня.

За день, по приказу бека, была проверена готовность к отражению нападения, назначены дополнительные караулы на стенах поместной цитадели.

Вышедший вечером подышать свежим воздухом старый священник с легкостью успел заметить косые взгляды воинов, бросаемые на него исподлобья. Усадьба князя на глазах превращалась в военное поселение, которым оно и являлось при соседстве степняков. На луки хазарские воины набросили тетивы, колчаны по максимуму наполнились стрелами.

– Акшани, – услышал раввин голос одного из родственников князя, шادا Иосифа, – проскочите с десяток верст на восток и возвращайтесь. Если увидите войско или отряд чужаков, в бой не вступайте, сразу отходите. Лучами рассыплетесь по степи, не нужно врагу указывать дорогу к поместью.

– Слушаюсь, шад! – прижал ладонь к груди здоровяк, уже сидевший в седле. Рядом с ним, готовые в путь, стояли ещё четверо вооруженных людей бека, их лошади переминались с ноги на ногу, танцуя на месте, предчувствуя скорую скачку в степи.

Обитые медными полосами ворота со скрипом разъехались в стороны. Всадники, с места пришпорив лошадей, галопом вынеслись на простор, беря направление на восход солнца, а вскоре уже издали слышались только глухие звуки копыт да понукания всадников: «Гха-а, гха-а! Гик-гик!»

Весенний ветер донес от берега реки влажные запахи перепревшей за зиму травы и тины. Ночная мгла заполонила собой все пространство большого двора родового поместья хазарского бека, со всех сторон закрытого высокими, саманными стенами, охранявшими спокойный сон домочадцев и челяди, состоящей из дальней родни феодала. Между домов с узкими улочками прошли четверо вооруженных, одетых в кольчуги воинов, неся в руках факелы, негромко переговариваясь о чем-то своем. Старший среди них взмахнул факелом, привлекая внимание караульного на обитой деревом, угловой вышке охранного периметра.

– Все спокойно, шад Иосиф, – раздался с вышки голос стража. – Если б не этот ветер с реки, то можно считать, что с дежурством мне сегодня повезло, а так, холодно, даже притом, что на мне шерстяной плащ надет.

Из-за угла одного из сооружений выбежали сворой псы, пристроились к ночным обходчикам. Позадирали морды вверх, уставились в темноту, но слыша знакомый голос, лаять не стали.

– Ты мне на ветер не отвлекайся. Особо смотри в сторону ворот. Конечно, печенеги только пришли на свои пастбища, но могут попытаться что-нибудь украсть. Будь внимателен, – оглянувшись на сопровождение, распорядился: – Двинулись. Глянем, что там у западных ворот.

Полная луна закрылась плывущими по небу облаками, превращая ночную мглу в крошечную темень. В просветах между облаками пробивалось бледное мерцание звезд. Караульный, облокотившись на деревянный поручень высокого насеста, бросил взгляд внутрь ограды, пытаясь разглядеть в сплошной массе стен узкие проемы окон-бойниц на строениях. Скучно. Даже шум идущей ночной стражи растворился в мареве ночи, гыркание псов, ушедших следом, тоже было не слышать. До утра ещё ой как далеко. Хорошо зимой, кочевники с летних пастбищ уходят к теплему морю, перегоняя стада лошадей и рогатого скота, отары баранов. Можно слегка расслабиться и жить спокойной жизнью до следующей весны. Жизнь в Диком поле приучила хазар к готовности в любую минуту встретить непрошенных гостей и соседей – печенегов – с оружием в руках, защитить свою жизнь и имущество. Вскоре вслед за печенегами с юга на исконные пастбища, веками закрепленные за родом, пригонят стада лошадей родичи. Эту зиму скотоводов возглавлял средний брат бея. Младшего Парсбит-хатун, мать бея, не отпускала от себя. Дай бог ей здоровья. Сильная женщина, иногда, кажется, что это не бей, а его мать управляет всем в роду, хоть бейю уж самому давно перевалило далеко за тридцать лет.

Отвлекшийся своими раздумьями и умозаключениями от охраны ночного поместья воин, приходя в деловой режим, приподнялся с локтей, развернулся к внешней стороне стен. В это время луна выпорскнула из-за облаков, осветила долину перед поместьем. Шелест в ночи негромко разнесся на близком расстоянии.

– Ха-а! – короткий выдох.

Тело стража отбросило назад к поручню вышки, уперев его спиной о дерево, смягчив звуки шерстью плаща. Широко открытые глаза уставились в пустоту. Стрела негромким щелчком вошла в лоб, проломив кость, торчала из черепа, ветерок раздувал оперенье на тонком древке. Караульный был мертв. За стеной слышались сопение, шепот и шорохи. Вскоре через саманный забор внутрь поместья соскочили теньями неизвестные враги, рассчитывая пробраться к воротам незамеченными. Где-то за домами, за стоявшей вдаль большой конюшней, прорезал ночь протяжный вой дворовой собаки. Сколько безысходности чувствовалось в этих звуках. В ответ слышался лай целой своры, и из темноты друг за другом выбежали сразу десятка полтора разномастных шавок. Поднявшийся гвалт и рычание в сторону неизвестных привлекли ночную стражу, слышался приближающийся топот ног.

Гортанно прозвучала команда, и, не обращая внимания на собачий брех, тени бросились бежать к воротам. Цель была одна – сбросить щеколду и открыть створы. Со стен посыпались новые тени, эти были уже вооружены посolidнее, прикрывались круглыми щитами из дубленой кожи. Часть из них развернулась в сторону приближавшегося хазарского дозора, другие побежали вправо, к воротам, вдруг потребуется помощь или поддержка.

Со стороны темных окон-бойниц в неизвестного неприятеля полетели стрелы, тетива на луках монотонно запела. Хазары – прирожденные лучники, мало кто сравнится с ними по умению обращаться с этим оружием. В один миг нападавшие были расстреляны, не помогли ни щиты, ни защита. А у ворот уже корчились от боли те, кому не повезло умереть сразу.

– Все к стенам, прикройте ворота! – громкий голос бея Ябела раздался из ночи.

Поселение словно очнулось ото сна, отовсюду слышались звуки беготни, говора, стуки прислоняемых к стенам стоек, звон металла, пока ещё не боевой. На стены поднялись все мужчины рода, только рабов загнали в подвал и задвинули засов на тяжелой двери.

Снова голос бека:

– Иосиф! Иосиф, ты где?

– Слушаю тебя, бек!

– Разберись, кто на нас напал? Может, печенеги? С них станется.

– Нет, господин. Проверили трупы нападавших, на степняков-печенегов эти люди не похожи. Лица узкоглазые, одежда по крою совсем иная.

– Так кто это?

Выглянувшая снова луна показала нерадостную картину за стенами. С южной стороны укрепления, на расстоянии в полверсты, плотным строем стояли всадники, и число их внушало ужас. Над головами колыхались наконечники копий, щиты прикрывали половину корпуса каждого пришлого воина. Небольшого размера степные лошади защитных нагрудников не имели. Одно было понятно, что к имени князя Ябела подошли племена кочевников, но это были не печенеги.

– Бек!

– Чего тебе, Макадас?

– Там к восточной стене, почти вплотную подгоняют большие повозки. Очень большие. Я таких никогда не видал, их тащат быками.

– Так чего ждете? Если их подведут вплотную к стене, забросайте горшками с зажженным маслом. Подожгите их! Жгите землю перед быками.

– Слушаюсь, мой господин!

Ябел окинул взглядом плотный строй неприятеля. Ему стало ясно, ясно, как и каждому воину в поместье, наблюдавшему врага, встретить рассвет в этом мире не удастся многим. Видно, прав был раввин, предсказавший опасность, нависшую с востока, ошибся только в одном, опасность явно переросла в понятие «гибель» для всего рода.

Задрожала земля под копытами тысяч лошадей, неизвестное воинство двинулось к сравнительно невысоким стенам поместья. А за восточными стенами уже всюду шел бой, зарево горевшего масла подсвечивало округу.

– Стрелами бе-ей! – рычал бек, сам натягивая тетиву лука.

Тугие хазарские луки выплеснули стрелы в конную массу. Не было нужды целиться, промахнуться было невозможно. В ответ к стенам прилетели тысячи стрел, в свою очередь, выбивая защитников, заставляя умирать их десятками, валиться со стен на землю. Лавина на скаку подошла вплотную к стенам, и в хазар полетели копьё, жалами пробивая саман на стенах, вонзаясь в плоть. Крики, стоны, гомон, шум боя слышались отовсюду. Ворота были открыты, в самом периметре бушевала битва. Ночь подходила к концу, вот-вот загорится заря. Усталый, выдохшийся бек, истекая кровью, с трудом ворочал потяжелевшей непомерно саблей. Свесившийся с седла кочевник ударил в спину копьём, пробил металлическое плетение кольчуги, вгоняя наконечник между ребрами в сердце.

Знатная добыча досталась племени в этом краю. Бескрайняя степь, разделенная рекой и ее притоками, обещает родам сытую жизнь. С молоком матери воины впитали любовь к ней, к лошади, к оружию и походу. Уйти в набег вместе с родственниками, под началом родового вождя – разве это не счастье? Разве это не праздник для человека, рожденного шары-кипчаком?

После захвата этого поселения можно будет искать переправу на другой берег реки, придется потеснить чужие племена, зовущиеся печенегами, своему племени необходимы выпасы, необходима своя территория. Конечно, печенеги не отдадут без боя свое, но племя, приведенное ханом Баркутом, насчитывает одних только воинов до сорока тысяч сабель. Великая орда. Как хитро они просочились в эти земли. Сначала спустились из степей по священной для племен кипчаков реке вниз, к полуденным землям, потом прошли в сторону захода солнца. Разведали кочевья простоватых печенегов, и теперь, о Великий Тенгри, это все должно быть нашим. По слухам, если идти дальше на полночь, то попадешь в леса на землях племени урусов. Говорят, они сильны. Ничего, закрепимся, навестим их. Растрясем жирок у лесных людей, нельзя быть жадными, делиться надо. Да и для молодых воинов наука не лишней будет. Кроме того, еще одно племя обустроится рядом. Хан Селюк, думаю, тоже будет не против сходить в набег.

Тарсок, старейшина рода в племени хана Баркута, прервал свои раздумья. Тронул коленями бока коня. Подтянул узду, не давая животному дотянуться до облюбованного куста травы, заставляя двигаться за проходившим вдоль реки кочевьем. Стоявшая у порога кибитки старость еще не вошла в нее, зато вошли опыт и удача в управлении родом и набегах, а это немало для жизни в чужом краю, который необходимо сделать своим.

Солнце медленно скользило по небосводу, погружаясь в кроны деревьев левого берега. Могучие дубы-исполины вытянулись к небу на все тридцать метров. Савар, стоя на правом берегу у самой воды, смотрел на поваленное прямо в реку дерево, огромный ствол перекрыл течение, сотворил запруду. В этом году в степи было много снега, а жаркое солнце марта, растопив его, подняло уровень воды так высоко, что вода подмыла корни этого дерева и обрушила его в водный поток. Савар уже не раз в своей жизни видел такое, знал, что, если вода пророеет себе новое русло, то в этом месте может образоваться озеро.

Вечерний холодок напознал с реки на легко одетого молодого мужчину. Поежившись, он обернулся к тропе, замечая, как в ветвях деревьев, растущих по низкому восточному берегу, устраиваются на ночлег птицы, шебаршась и хлопая крыльями. Пройдет совсем немного вре-

мени, и вся долина Донца погрузится в сон, настанет время охоты сов, да, быть может, к водопою потянутся дикие кабаны.

Савар протиснулся между веток кустарника, покрывшихся молодой ярко-зеленой листвой, поднялся на пригорок и тут же спустился в овраг, чтобы снова подняться вверх. Берега Донца часто пересечены оврагами, с этим приходится считаться, не стоит использовать лошадей в таких местах. Наверху у тропы Савара встретил Аваз, один из троих воинов, сопровождающих княжича на охоте. Он выглядел обеспокоенным.

– Шад, по степи у самой кромки леса воинство проходит, похожее на степняков. Идут со стороны поместья.

– Пачинаки? Что-то не понятно, почему идут по этому берегу, ведь их кочевья обычно по другую сторону реки стоят.

– Нет. На пачинаков не похожи. Лица узкоглазые, волосы цвета соломы и одежда иная. Медленно идут. Кибитки не схожи с телегами степняков. Эти прямо дома на колесах, каждую тащат по два десятка быков, а колеса огромные, оплетены прутьями, да и сами кибитки похожи на шатры, только из войлока. Пищу варят прямо на колесах, дымок от кибиток стелится, и запах съестного мы учуяли. Нет, это не пачинаки.

– Наши где?

– Следят. Едва успели схорониться и спрятать лошадей.

– Это мы уже четвертый день охотимся. Пора домой показаться. Ладно, веди, гляну, кто там пожаловал на нашу голову.

Подобравшись к опушке леса, хазары затаились, наблюдали, как уже в сумерках неизвестные кочевники ставят кибитки в круг, тем самым образуют целый город в степи. Скрип колес далеко разносился в вечернем воздухе. Мимо хазар, сидевших тихо в листве кустов, по замеченной тропе мелкой рысцой в сторону реки проскакало два десятка узкоглазых всадников. Переговариваясь, подшучивали друг над другом, смеялись. Савар отметил про себя, что он слегка понимает гортанный язык пришельцев, один из диалектов, на котором говорили хазары, был чем-то схож с их языком. Между тем со стороны реки раздались возгласы, с интонацией ругани и смех.

– Кажись, кто-то из них серьезно навернулся в овраг. Нельзя же в потемках по нашим местам ездить на лошадях, не зная дороги, да еще и рысью. Шад, вам не кажется, что нам пора покинуть эти места?

– Пора.

Все четверо прокрались к лошадям и повели их за узду одним им знакомой тропой в сторону Донца. Не нужно испытывать судьбу, пробуя обойти скопление степняков по этому берегу, тем более не имея кроме луков и ножей другого оружия.

Переправившись, прошли через лесок, встали на дорогу и, не дожидаясь утра, уверенно поскакали по знакомым местам. Кони недовольно всхрапывали, обижались на седоков, заставивших ночью преодолевать путь. К стремям у всей четверки были привязаны за копытца потрошенные, но не разделанные дикие козы, результат недавней охоты. Всадники торопились.

К рассвету, переправившись через брод, четверка хазар подъехала к воротам усадьбы. Савар соскочил с лошади, в рассветном мареве оглядывая неприглядную картину. Ворота нараспашку, одна воротина, сорванная с петель, лежала на земле прямо в проходе. За стенами на узких улочках в засохшей, запекшейся крови валялись погибшие воины и убитые женщины и дети. Кочевники полной мерой поживились в имении. Многие трупы были раздеты, с мертвых мужчин снимали даже порты и сапоги, женщин, по всей видимости, сначала раздели, затем убили, надругавшись над ними. Хазары будто пришибленные ходили между домов. Каждый из них вначале бросился к тем строениям, где жили их семьи, потом, выскочив из домов ошпаренными кошками, безумными глазами смотрели друг на друга. Живых людей в поселении не оказалось.

Савар зашел на женскую половину своего дома, проходя по комнатам, отмечал про себя, что враг вынес из комнат все, оставив голые стены. Он нашел, что искал, в самой дальней комнате. Мать и сестры голыми лежали на деревянном полу. Парсбит-хатун, раскинув руки, смотрела в пустоту одним глазом, второй вытек, сабля убийцы рассекла череп старой женщины, оставив на лице рубленую рану. Сестер закололи, младшей перерезали горло от уха до уха.

– У-у-у-у! Пх-хы-пхы! – завыл, зарыдал в голос молодой шад, слезы градом катились из глаз. Помогло то, что сознание помутилось, и он на какое-то время выпал из реальности, быть может, даже потерял сознание.

Придя в себя, рукавом вытер мокрое от слез лицо, взглянул на мать последний раз, вышел из комнаты.

– Аваз, Бран, Мошег! Где вы, нечестивцы? Все ко мне.

Собрав понурых воинов у крыльца умершего вместе с хозяевами дома, произнес:

– Предать огню всех погибших не сможем, похоронить – тоже. Они уже дня три лежат не погребенными. Снимайте седла с лошадей. Перевезем покойников к оврагу, уложим всех в одну могилу и осыпим грунт.

– Шад, как бы потом кто из них не встал, чтоб кровь у живых пить, – выразил свое мнение Мошег.

– Глупости. Мне отец поведал, еще когда жив был, русы считают, и это так, что люди, погибшие в бою, никогда не превратятся в нечисть. Здесь все погибли в бою, – с раздражением произнес Савар.

Родичей и челядь свезли и захоронили только к вечеру. За погребальным делом никто не вспомнил о еде, да и вообще заикнись кто об этом, у Савара кусок бы в горло не полез. Вот теперь поместье было по-настоящему пустынно. Трое воинов разожгли костер прямо напротив ворот, уселись вокруг него, тупо глядели, как языки пламени, потрескивая, отправляют в небо частички пепла, а ветер, подхватывая их, уносит в сторону реки.

Савар вошел в комнату отца, прошел к стене, примыкающей к очагу, и охотничьим ножом расковырял кирпичи. По всей видимости, стена под побелкой была выложена на другом растворе. Вскоре кирпичи посыпались на пол, их можно было, не прилагая особых усилий, вынимать из кладки. Савар спихнул в сторону на пол мешающие кубики из обожженной глины, расширил проход и вошел в небольшую кладовую. Постоял, заставил глаза пообвыкнуться с темнотой, хватая охапками, выносил к окну все, что было уложено на полках. Очистив кладовую, ногой вышиб оконную раму, высунулся по пояс, крикнул воинам:

– Идите сюда!

Каждому сунул в руки по увесистому кожаному кошельку с монетами.

– Мы лишились родни, но не жизни. Нам предстоит еще какое-то время выживать в этом мире, строить новые отношения, вживаться в быт. Эти деньги помогут вам стать на ноги.

– Шад, вы сами куда направитесь? – спросил Бран.

– Сейчас есть только одна земля, на которой можно выжить, не имея за плечами родни. Это Русь. Варягами приходят на службу к князьям воины, мало кто среди них становится изгоем. Я ухожу на Русь.

– Я с вами, шад. Прошу разрешить присоединиться.

– Я тоже.

– И я.

– Ну что ж, надевайте кольчуги, подбирайте оружие по руке. Утром уходим.

Оставшись один, Савар закутался в шерстяной плащ, прикрыл глаза и забылся тревожным сном. Усталость взяла свое.

Проход между деревьями, спускавшийся к реке, как будто специально предназначался для переправы большого скопления народа, путешествовавшего с телегами и кибитками. В

этом месте извилистое русло реки заросло камышом и лозой, да и берега здесь были пологими. В этом месте не раз уж проходили печенежские сотни с одного берега на другой. Конец апреля месяца, половодье давно схлынуло, оставив в русле два лысых песчаных острова-отмели. Вот в этот-то проход и вошел передовой дозор кипчаков, не один день разыскивающих место для переправы орды с правого на левый берег. Низкорослые лошадки сами прибавили ход, услышав близкий плеск воды в реке и почувствовав запахи влаги. Кочевников было десятка два, не больше. Узкими щелочками голубых глаз они, приблизившись, осмотрели наконец-то найденное удобное место. Тронув пятками бока животных, заставили их войти в воду. Медленно, боязливо стали переправляться через Донец, следуя в колонну по два. Когда первым до противоположного берега оставалось метров двадцать пять, а задние только вошли в текущую воду, с противоположного берега в передовых полетели стрелы, с завидной периодичностью разрывая тела тяжелыми боевыми наконечниками.

– А-а-а-а! И-и! – крики и стоны раненых прорезали относительную тишину на переправе.

Вскоре в спину задним тоже полетели стрелы, сбивая узкоглазых воинов под ноги лошадям, на дно мелкой в этом месте реки. Ржание лошадей и затор из оставшихся без седоков животных привели их ещё и в крепкое замешательство. Чужаки все еще не поняли, откуда приходит смерть. Вдруг прямо из воды, у самого стремени выпрыгнул крепкий малый, отбросил в сторону камышовую трубку, вырвал из седла ближайшего кочевника. Плюхнул его задом о воду и от всей души врезал по макушке кулаком, размером с глиняную кружку. После чего обмякшее тело поволок в заросли камыша.

Только один из узкоглазых разведчиков сообразил, чем может все закончиться для них, и, пригнувшись к луке седла, заставил лошадь, поднимая грудью волну и разбрызгивая по сторонам воду, скакать по течению реки.

– Ах, стервец, ну и ловок! – вырвался возглас из камыша.

Сразу две стрелы вошли в лошадиный круп, но животное, жалобно заржав, выносило хозяина из-под обстрела. Кипчак, умело спрятавшись под лошадиный живот, принимая водные процедуры, хлебая донецкую водичку, почти вырвался из лап смерти. Аваз, прицелившись, выпустил стрелу, всадив ее в бедро хитрецу, а вскоре тот скрылся за изгибом реки. Ушел.

– Собрать лошадей – пригодятся! Добейте живых, – распорядился Савар.

Он вышел из кустарника на берег, сжимая в руке тугой хазарский лук.

– Бран, ты где?

– Здесь я, шад.

– Пленник жив?

– А чего ему делается-то?

– Тащи его на берег!

Зашуршал камыш под напором сильного тела ломающего его человека, а вскоре появился и сам Бран, легко несший на правом плече сомлевшего от крепкого тумака кочевника. Выбравшись из воды, сбросил болезного на песок, ничуть не заботясь о нем. Савар сам стянул на запястьях и лодыжках кипчака кожаные ремешки, и уже вместе с Браном они забросили пленного поперек одной из захваченных лошадей, привязали ноги к рукам вокруг туловища животного.

– Уходим по течению! Следов нам оставлять совсем ни к чему.

Караван, ведомый Саваром цепью, преодолевая течение, двинулся вдоль камышей по речной воде, а через какое-то время свернул в рукав речушки, примкнувшей к основному руслу Донца, поросший труднопроходимой порослью, составлявшей старицу. Распугивая уток и другую пернатую живность, в конце концов, вышли на печенежский берег. Перешли на рысь, а вскоре поскакали галопом, держась поймы реки. Сменяя лошадей на кипчакских, скакали до самой темноты, с заходом солнца скрылись в плавнях.

Спрыгнув на землю с добытой у степняков, мелкой мохноногой конячки, Савар, разминая затекшие ноги, распорядился:

– Мошег, оглядись по округе.

Расседлали лошадей, стреножив, отпустили пастись тут же на найденном поросшей травой пятачке твердой земли. Подошел Бран.

– Шад, что вы хотели узнать от пленного?

Савар кивнул, думая о чем-то своем.

– Аваз, разводи огонь, жарь мясо, с голоду умирать нет смысла.

Весело заплясал огонь в костре, пожирая сухие ветки и дрова. Запах жареного мяса встал над низиной пойменного полуострова, составлявшего сорок-пятьдесят метров площади, скрытой камышом и лиственным лесом у воды. Со страхом вращая глазами, бросая взгляды на хазар, кочевник лежал на спине неподалеку от костра. То ли от переживаний, то ли от того, что вовремя не сводили оправиться, от его портков шел резкий запах мочи. Присев рядом и нависнув над головой врага, Савар задал вопрос:

– Кто вы такие? Откуда к нам пришли?

Вопрос, заданный на одном из наречий, пленник явно понял.

– Мы из племен шары-кипчак, кочевья наших родов были далеко отсюда за рекой Итиль.

– Действительно далеко. Зачем же вы откочевали из родных степей?

– Стало тесно на родине. Прошлой осенью ханы Баркут и Селюк увели свои орды на полдень. Переправившись через Великую реку, орды пошли за солнцем и перезимовали в степях Тавриды, но там тесно, пришлось воевать со многими родами печенегов, а в конце зимы кочевья повернули на полночь и вошли в эти степи. Здесь хорошо, много выпасов и рядом река. Теперь это будет наша степь.

Хмыкнув, Савар невесело посмотрел кипчаку в глаза. Ему захотелось всадить нож в грудь узкоглазого, поразившего шادا такой непосредственностью и простотой суждений. Видите ли, им понравилось, и они решили остаться!

– Так это обе орды кочуют вдоль реки?

– Нет. Это кочует наша орда, хана Баркута. Нас много. Очень много воинов у хана.

– Где же тогда другая орда?

– Хан Селюк повел своих ближе к стороне, в которой заходит солнце, а потом, так же как и мы, повернет на полночь. Он тоже ведет сотни родов. Зачем мешать друг другу в большой и сытной степи?

– А как же печенеги?

– Они уйдут или покорятся.

– Да-а!

– Мы сильны, много молодых воинов хотят испытать себя. Вождь нашего коша, пусть Тенгри даст ему ещё много зим силы, говорил, что ханы уже этим летом поведут в набег воинов. Мы победим и захватим большую добычу. В кочевьях не останется бедняков.

– Куда ханы направят набег?

– Вождь говорил, что урусы обладают большим богатством, но прячут его в своих лесах.

Савар поднялся на ноги, в раздумье отошел к крохотному песчаному пляжику, примыкавшему к стремнине, где высокая поросль камыша расступилась по сторонам. Отблески костра оставили просвет на бегущей реке. В раздумье тянулось время. Менялся первоначальный план действий. С самого начала молодой шад хотел добраться до Киева, попытаться счастья, поступив в дружину к тамошнему князю, добиться почета и уважения, осесть в стольном граде. Разговор с кипчаком повернул мысли вспять, неожиданно судьба предоставила возможность отомстить за погибший род.

Много лет тому назад, еще в юности, шад Савар сын Кофина помог вырваться из степей Дикого поля горстке русов. Всего три десятка русских воинов навели шороху в степи, уничтожили много печенежских кочевьев, сотни воинов нашли свою гибель на своей же земле. Вождя русов до сих пор помнят в печенежских станах, называют его не иначе как Степным Лисом.

Сотник Горбыль еще тогда приглашал шада приехать погостить. Раньше не было времени, да и повод был отдален пролетевшими годами. Теперь повод был, нужно навестить русича.

– Шад, мясо готово, – Аваз подошел, встал у плеча. – Пленник вам больше не нужен?

– Аваз, он нам сейчас нужен, еще как нужен. Накорми его, сами поедим и спать. Ночь делим для охраны на четверых.

– Шад, отдыхайте. Мы сами покараулим.

– Нет, завтра предстоит трудный день.

День за днем лошади измеряли пройденный путь подковами своих копыт. Позади остались берега Северского Донца, реки, которую русы называют Доном, а греки – Танаисом, меловые горы и степь с ее балками и длинными переходами оврагов. На пути встало березовое царство и показались пышные лапы светлого соснового леса – русское пограничье. В этих местах Савар еще не был. Вспомнил объяснения сотника, принял левее, выводя свой маленький караван к окраине северянской деревни, прилепившейся к окруженной лесной порослью неизвестной Савару реке, прикрытой со стороны степи частоколом маленькой крепостицы. Направил лошадь к потемневшему частоколу, издали обходя стену по кругу, уже зная, что со сторожевых вышек их приметили.

У открытых ворот укрепления хазар встретил крепко сбитый витязь, молодой, но с повадкой умудренного опытом воина, одетый в кольчугу, с саблей у левого бедра. Рассмотрев приезжих, оскалился белозубой улыбкой. За его спиной стояли воины в доброй броне, со щитами в руках, такие же молодые, как и воевода.

– Никак в гости пожаловал? – Витязь шагнул к соскочившему с лошади шаду, облапил его крепкими руками, прижимая к груди, похлопал по спине ладонями удивленного таким приемом Савара. – Да ты никак и не помнишь меня, княжич? Я – Людогор, пятидесятник в сотне Горбыля. Ну, вспомнил? Я-то тебя сразу признал, еще только с вышки глянул, понял, кто к нам пожаловал.

Савар, присмотревшись, вспомнил, улыбнулся в ответ.

– Ну, здравствуй княжич! С какими вестями к нам в Рыбное?

– Беда у нас. Чужая орда в степи. Нет больше моего рода. А на Русь по лету они тоже в набег придут. Нам бы к вашему сотнику попасть, языка везем.

2

Кипчакские кибитки не похожи на телеги купцов. Одна кибитка – это дом на колесах,двигающийся по степи. Кибитки целого рода, если поставить их в круг, образовывали целый город, быстро вырастающий в любом месте и также быстро исчезающий, скрипя колесами при переезде по ковыльному морю на новое место стоянки, попутно выпасая перегоняемые стада скота. Дворцы на колесах тащили десятки быков, с усилиями движущие огромные платформы на больших, оплетенных прутьями колесах. Стены кибиток плетением сходятся вверх, к своеобразному отверстию-трубе, обтянутые белым и черным войлоком, пропитанным снаружи известкой и жиром, чтоб войлок не набирал влагу от дождя и сырости. Здесь же, на платформах, установлены короба с домашней утварью и оружием. При длительных остановках кипчаки снимают свои дома с платформ и устанавливают за ними, превращая платформы в стены крепости. При кочевье в кибитках жили женщины с детьми. Мужчины двигались верхом на лошадях, в седлах же передвигались и молодые женщины. Незамужние, они до рождения детей были на положении воинов, а при боестолкновениях с противником вступали в бой, неся все тяготы войны.

Орда, словно сухие шапки перекасти-поля, носимые ветром по степи, следовала по чужим землям, захватывая и убивая людей другой крови, без зазрения совести предаваясь грабежу, возводя его в закон жизни. Вот и сейчас хан Баркут вел орду по степи, выдавливал печенегов с насиженных мест, твердой рукой уничтожая непокорных. Его орда вступила в степные пределы племени, когда-то руководимого старшим князем Кулпеем, погибшим при набеге на южные рубежи Руси.

Теперь уже новый, молодой князь Хабул попытался преградить путь захватчикам. Само племя за время, истекшее с момента гибели основной части воинства, так и не смогло оправиться от потерь. Молодые, выросшие за восемь истекших лет после войны, не превратились в степных волков, скорее стали простыми пастухами. Больших набегов на Русь Хабул, помня о случившемся с дедом, так и не провел. Те, кто самостоятельно под руководством малых князей попытался сходить за речку к соседям, так и не вернулись, будто и не было их никогда на свете. Измельчало племя, уменьшилась численность родов, как, впрочем, и поголовье скота в стадах.

Получив весть о нарушении границ кочевья чужаками, Хабул вывел навстречу врагам восемь тысяч воинов, все, что смог собрать за короткое время. Вступил в бой. Это было похоже на избиение младенцев. Имеющие немалый боевой опыт кипчаки окружили печенегов, разбили на голову. Лишь немногим удалось прорваться через вражеские порядки и уйти в степь. Отрубленную голову печенежского князя старейшина Джарбаш, взяв за волосы, бросил к ногам ханского скакуна.

– Решил оправдать свое имя, Джарбаш? – нахмурился хан, его конь от такого подарка, пахнущего кровью, попытался отпрянуть в сторону, и только сильная рука хозяина удержала скакуна на месте. Только фырканье и перебор копытами по траве, рядом с лежащей головой, указывали на недовольство четвероногого красавца, взятого из хазарских конюшен.

– Это голова их хана, великий!

Имя Джарбаш на кипчакском языке означало «рубящий головы».

– А между тем, куренной, я бы предпочел, чтоб у тебя на плечах тоже была голова. Он пригодился бы мне живым. Ты поспешил, Джарбаш.

Старейшина склонил голову, винясь перед ханом, но если бы Баркут смог заглянуть ему в глаза, увидел бы, что в них не было и искры сожаления о случившемся, там скользила лишь неутолимая жажда крови.

После смерти печенежского хана возможность мирного отъема кочевий у племени Хабула была утеряна. Ядовитую змею, живущую рядом с юртой, убивают, а не прогоняют

прочь, иначе она может снова приползти и укусить. Баркут разослал воинов орды во все стороны, оставив при себе не более пяти тысяч всадников. Большие отряды, снуя по степи, разыскивали печенежские станы, угоняли скот, убивали целые роды. Некому было выкупать пленников, а из кочевников плохие рабы. Степь запылала кострищами стойбищ. Нередко на степных просторах можно было увидеть детей, чумазых и голодных, бредущих, куда глядят глаза. Зачем убивать щенков, сами подохнут или будут сожраны хищниками, им тоже нужна пища.

В стойбище малого князя Бурташа скорбные вести принесли люди, род которых кочевал в сотне стрелищ к югу. К князьему стану смогли добраться лишь пятеро мужчин, прискакав верхами, и повозка с десятком женщин и детей.

Выслушав пришлых, старый Цопон задумался, перебирая в уме все варианты действий. Он сознавал, что останься кочевье на месте, его постигнет судьба соседей. Выхода все равно не было. Или он был? Что-то промелькнуло в голове старейшины, но улетело вместе с нахлынувшим страхом. Роду не отбиться, это ясно. Он малочислен и небоеспособен. Он обнищал. Но все же он существует. Как выжить? На что решиться?

Старик, кряхтя от боли в спине, поднялся на ноги с обшитых кожей подушек. Оглядев собравшихся родичей, плотной стеной обступивших старика и вестников несчастья, распорядился:

– Сворачивайте стан, подгоняйте табун. Отары придется бросать, жизнь дороже! Выступаем к полудню. Готовьтесь к тому, что будем идти без передышки, быть может, даже ночью. Я иду к князю.

Старческой походкой, припадая на когда-то раненную ногу, поковылял к белому шатру, стоявшему в центре кочевья. Остановившись у входа, отбросил полог, спросил:

– Уважаемая Альтэ не откажет старому Цопону в общении с князем?

За спиной, словно разбуженный улей, галдели люди, собираясь в путь. Был слышен людской гомон и ржание лошадей, стук копыт и словесная перепалка.

Из шатра откликнулся приятный грудной женский голос той, которая была когда-то младшей женой князя Азама, восемь лет назад сложившего голову в землях русов вместе с великим князем Кулпеем.

– Входи, Цопон.

Старейшина вошел в шатер, уважительно поклонившись хозяйке, при этом почувствовал прострел в пояснице. Проклятая старость! И ведь нельзя уйти на покой, к предкам. Пока не на кого оставить род. Великий Тенгри, наверное, смеется, глядя с небес, как мучается, разминая по утрам кости, старый Цопон.

– Что там происходит в становище? Почему суматоха? – задала вопрос Альтэ, женщина в летах, но еще сохранившая остатки былой красоты.

– Люди сворачивают стан, уважаемая. Сейчас придут убирать и твой шатер, уложат его в повозку. Распорядись собрать личные вещи.

– Почему так?

– Кипчаки, пришедшие на наши пастбища, жгут кочевья. Князь Хабул погиб. Мы вынуждены бежать, иначе нас постигнет участь соседей. Я хочу повидать князя.

– Он на своей половине. Пройди к нему.

– Благодарю.

Прошаркав в сторону мужской половины огромного шатра и откинув внутренний полог, просочился внутрь. На шкурах диких животных, животом вниз лежал князь Бурташ, с интересом разбрасывая цветные камешки, собирал их и снова разбрасывал, пытаясь выбросить удачную комбинацию. Шелест полога даже не заметил.

– Кхе-кхе, – обратил на себя внимание старейшина. – Приветствую тебя, мой князь!

Мальчик десяти лет, одетый, как и все кочевники племени, в самую обычную одежду, оторвался от своего занятия, перевернувшись на спину, уселся на пятую точку.

– Это ты, Цопон? – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес он.

– Я, мой князь.

– Пришел вести умные речи со мной? Будешь снова учить, как управлять родом?

– Нет. Я пришел сообщить тебе, что всему племени грозит смертельная опасность. Тебе необходимо увести род из-под удара врага.

– А разве великий князь Хабул вместе с моими воинами не победит врагов, Цопон?

– Князь Хабул убит в бою. Я пришел сказать, что становище сворачивают. Мы уходим к русам.

– Куда? Ты же сам говорил, что русы нам могут быть только врагами. Теперь хочешь, чтоб я увел род к ним.

– Все в мире изменчиво, князь. Тебе нужно запомнить это. Мы не успеваем откочевать в степь, но граница Руси сейчас совсем близко от нашего становища. Я пожил в плену у боярина из племени кривичей, скажу тебе, это сильные и смелые люди. Они добры, и я надеюсь, что они примут нас на какое-то время. Если нет, то род погибнет, иные дороги для нас сейчас закрыты. Собирайся, мой князь. Сейчас приведут твою лошадь, садись в седло, пусть родичи видят, что князь спокоен и знает, что делает.

– Я понял тебя, старейшина. Я не подведу.

Ещё до полудня род маленького князя снялся с места, направился в сторону границы, двигаясь с наиболее возможной скоростью, скрипя телегами, перегоняя табун лошадей и стадо скота. Впереди был нелегкий путь.

Когда с пограничных вышек, спрятанных в листве высоких деревьев, заметили пылевое облако в степи, то об этом немедленно сообщили Людогору. В этом месяце его сотня несла службу в отстроенной на окраине Рыбного деревянной крепости. Население деревни спешно уводило живность в плавни, прятало наиболее ценное имущество в схроны. Мужчины, вооружившись, ушли в крепость на усиление кривичей. Вскоре воины с забора частокола рассмотрели длинную колонну повозок и конных воинов по бокам каравана, а вдаль нарушители границ гнали стада скота. Даже отсюда были видны изможденные, запыленные лица людей. Усталые животные тащили телеги с женщинами и детьми, хозяйственным скарбом.

– Никак печенег? – прикрыв ладонью глаза от солнечных лучей, напрягая зрение, молвил сотник. – Странно. Вроде бы на набег не похоже.

Оглянувшись, распорядился:

– Коня мне. Эйрик, пойдешь в сопровождении со своим десятком. – И уже спускаясь со стены, по широкой, покато́й деревянной лестнице, произнес про себя: – Сейчас посмотрим, чего это они все сюда прутся. Ну, прямо как мухи на говно.

Ухмылка прорезала ряд белых крепких зубов. Людогор вспомнил своего наставника и в недалеком прошлом командира, Сашку Горбыля.

Ворота крепости отворились, выпустили сотника с десятком всадников и тут же затворились обратно. Печенежский караван встал на прикол, но люди не разошлись в стороны, не покинули телег. Конные печенеги лишь проскочили в промежутках между телегами, встали со стороны приближающегося десятка русичей, закрыв собою родню. От каравана отделился мелкий отряд, порысил навстречу пограничникам. И печенеги, и русские остановились друг напротив друга, двадцать шагов разделяли всех от противной стороны. Люди с интересом разглядывали друг друга.

Людогор, улыбаясь, толкнул бока своего коня пятками, заставил двинуться вперед. От печенегов отделился древний дед, морщинистое, цвета старого пергамента лицо его тоже излучало радость. Слава Тенгри! Знакомца встретил. И не просто знакомца, а одну из рук Степного Лиса.

– Рад тебя видеть, Людогор! Сколько лет прошло с того времени, как я выехал из Гордеевой крепости?

– Здоровья тебе, дед. Я уж и не гадал, что встретимся когда-либо. Почитай семь лет минуло. Каким ветром тебя занесло в наши края? Или понравилось гостеприимство моего племени?

– Ай, беда пришла, Людогор, совсем плохо в степи. Враг пришел издалека, лютует. Нет больше моего племени. Вот подумал, что смогу хотя бы род свой сбересть, если к боярину Гордею родичей уведу.

– Хм! Так ты что, у них самый главный теперь?

– Нет, что ты. Смеешься над стариком? Князь у нас есть, князь, понимаешь?

– Ну так и где твой князь?

Цопон обернулся в седле, сказал пару фраз на своем языке, и от десятка передовых печенегов отделились трое всадников. Людогор заметил, что двое воинов сопровождают по бокам несмышленного мальчишку, лет этак десяти, одетого в одежду из кожи, без всяких украшений, с маленькой сабелькой у левого колена, с таким же игрушечным луком, выглядывающим из чехла, притороченного к стремени. Подъехали.

– Вот наш князь Бурташ!

– Пацан еще, – вырвалось у Людогора.

– Ты не смотри, что мал. Мой воспитанник. Года через четыре будет настоящим воином и вождем.

Людогор обратился к князю, на полном серьезе представился, вскинул руку ладонью к шелому, как это часто делал Горбыль:

– Сотник Людогор, временный начальник пограничной стражи на заставе селища Рыбное. Хочу узнать численный состав ведомого тобою каравана.

Мальчишка, даже зная язык русов, не понял большую часть слов. Вопросительно уставился на Цопона. Исправляя замешательство, старейшина сам ответил на вопрос:

– Людогор, ты это... Ну, в общем, мы не в Гордеевом городке воспитаны. А людей у нас следующим числом: три сотни воинов, было больше, да остальные с князем Хабулом погибли. Женщин да детей без малого девять сотен.

– Ясно. Ну что ж, двигайте караван, разворачивайте стан по левую руку от околицы веси, ну, а уж скотину отгоните версты за три ещё левее. Там и водопой поблизости. В общем, поехали.

– Спасибо! – подал голос маленький князь, грустными глазами глянул в глаза сотнику.

Взмах руки, и караван сдвинулся с места, заскрипели телеги, послышался радостный говор женщин. Оно и понятно, князь сумел договориться с вождем русов. Всадники, печенеги и русские смешались в общий строй, легкой рысью направились к Рыбному.

– Как там Лис Степей поживает? – задал вопрос Цопон.

– Ничего себе поживает. Сын у него, пять лет уж как минуло. Совсем взрослый, богатырь, весь в отца, только лицом в мать удался. Да это и хорошо.

– Жену, значит, взял. Родовитую?

– Ха-ха! Да уж взял. Сына нашему Лису русалка родила. Какая любовь была, позавидовать можно. Вот только не ужились. И двух лет не прошло, сына оставила и слиняла. Одно слово – нежить, хоть и светлая, чего с нее возьмешь.

– А еще какие новости? Как воевода поживает?

– Нет воеводы. Уж два года, как в Ирий ушел. А и то хорошо жизнь прожил долгую, а помер всеми уважаемый, на руках у боярина Гордея. Горевали все очень.

Князь Бурташ, следуя стремя в стремя с Цопоном, прислушивался к разговору между давними знакомцами, удивляясь, что старейшина обо всех на Руси знает и его тут тоже почи-

тают. По малолетству он не догадывался, насколько велика Русь, а Гордеево городище – лишь маленькая песчинка на просторах ее.

– Сотник Андрей? Небось, тоже женился?

Грусть напозла на лицо Людогора, тоску в его глазах заметил и Цопон.

– Что?

– Нет больше Андрия. Уж пять лет минуло, как в Тавриде погиб.

– Он был воином, Людогор, как мы с тобой. Каждый из нас знает, что может не вернуться из набега или поляжет, защищая порог своего дома.

Цопон мельком посмотрел на князя, слушает ли речи двух воев? Такие разговоры шли на пользу будущему вождю.

Людогор продолжил:

– Пять лет тому, боярин водил дружину в Византийский поход под знаменами князя Святослава. Наши вои теперь покоятся в земле Тавриды, под стенами Доростола, на берегах седой Славуты. При возвращении из похода ваш князь Куря устроил нам большую подляну. Только наш боярин вывел свою дружину из той задницы, а Святослав погиб.

– Князь Курэй не наш, он вождь другого племени. А боярин Гордей – великий воин. Если бы мои сыновья были живы, я мечтал бы, чтоб они хоть немного походили на него.

– Вот мы и приехали. Располагай своих соплеменников, дед, а я пошлю гонца к смердам, проживающим в Рыбном, нехай возвращаются в свои избы. Неча им прятаться.

– Людогор, мой князь хотел бы увидиться с боярином Гордеем.

– Почему нет? Обязательно увидится. Через седмицу нас сменит другая сотня. Вот и поедете с нами.

Уже к вечеру за околицей Рыбного развернулся печенежский стан. Уставшие за дорогу люди, поставив шатры и загородившись телегами, провалились в сон, поверив, что вырвались из лап кипчаков и теперь все будет хорошо. Два десятка русичей, поднявшись в седла, ускакали в ночь, направившись произвести вороп в Диком поле.

3

Третья неделя пошла на исход, с тех пор как Монзырев послал его на большак, связавший по сухопутью Чернигов с Курском. И то дело, хоть какое-то развлечение. Давно уже Гордеево городище получило статус погоста в северянских землях. Вот только в самом стольном Чернигове три года назад случился мор, унесший немало жизней. Не стало светлого князя Черниговского, вымер весь его род, не оставив наследников. Упокоилась и добрая половина дружины. То ли колдовство, то ли действительно хвороба косой прошла по всему княжеству. Только теперь в стольном граде правил наместник великого князя Киевского, боярин Везнич Пачеславич, тот еще жук, взял в оборот Монзырева, наездами не допекал, но задачи ставил, присылая нарочного с различными требованиями и приказами. Вот и теперь приказал разобраться, почему на главном тракте пропадают мелкие караваны купцов, так сказать, бизнесменов средней руки. Поэтому Монзырев и отправил Горбыля осмотреться и, если получится, то порешать проблемы. А что, Сашка был не против. Захватил десяток юнцов, которым в это лето не более семнадцати весен минуло, да и выехал по утру на пленэр, обкатать молодежь, дать почувствовать свои силы да вкус кровушки, ежели найдутся романтики большой дороги.

– Батька, дозволю с тобой, – напрашивался Олесь.

– Ты уже сам сотником стал. Куда тебе со мной? Да и дело плевое. Я этих мальчиков, что со мной уйдут, почитаю уже года три дрессирую, с вами меньше вошкался, вот в деле и проверю. К тому ж тебе через две седмицы на западную заставу уходить, Ратмирову сотню менять.

– То так!

Вот и бороздили горбылевские хлопцы тракт, сначала в одну, потом в другую сторону. А все ж, кроме мелких ватаг, способных на что-то большее, чем нападение на едущих на базар смердов сбыть произведенный ими же товар, крупной «рыбины» будто и не было. Горбыль сломал голову, что предпринять... Нецензурными словами поминал каждый прожитый на дороге день, отводя душу хотя бы так. Но самое похабное было в том, что слухи об исчезновении людей и купеческих караванов не прекращались. Метания по дорогам ничего не давали. Прямо колдовство какое-то! Ой, стыдно-то как!

Уже ночью, когда уставшие за день юнцы позасыпали, к задумчиво сидевшему у костра Сашке подошел Кветан. Сотник всегда учил своих подчиненных думать головой, анализировать ситуацию, принимать решения, включая логическое мышление. Ему было невыносимо видеть рядом с собой тупых болванов, способных лишь саблех махать.

– Надумал чего, батька?

– Нет. Не выходит каменный цветок, видно, старость подходит. Однажды встану поутру с криком «здравствуй, маразм!». Никто и не удивится. Ну, а ты чего не спишь? Или твое время сторожей стоять?

– Нет, в карауле сейчас Наседа с Хвоцом. Я вот о чем подумал. Помнишь, верстах в сорока от Чернигова мы вроде бы следы потасовки зрели? Неподалеку от пересечения дорог.

– Ну?

– Там еще поросший мхом жига лежит, дорогу кажет.

– Ну, одна на север к смолянам ведет, другая – к границе, в переяславльские земли. И что с того?

– А то, батька! Мыслю, что неподалеку в засаду садиться надобно, неча нам дорогу бороздить туда да обратно.

– О-о, да таких примыкающих дорог на всем тракте десятки, так что – мне вас у каждой по одному расставить?

– Таких, да не таких. Я у челяди на постоялом дворе узнавал, поблизости от тех мест уже с добрый десяток пропаж было. Одно смуту на ум несет, я на месте потасовки окромя людских волчьих следы зрел. Може, волки опосля наведались, на запах крови приходили? Так днесь зима ушла, в лесах живности много, сытые они нынче. Чего им на дорогу-то выходить? А все ж решайся на засаду, батька!

– Добро. Иди, ложись, утро вечера мудренее.

– Да и ты б ложился, глухая спень на дворе.

Утром, перекусив остатками еды, выехали, взяв направление на Чернигов. Галопом поскакали по извилистой, довольно широкой дороге, с песчаным грунтом, утоптанном сотнями повозок. Справа и слева тянулся пейзаж густого леса, в котором пространство между деревьями заполнил колючий высокий кустарник и непролазная лещина. Шорох песка под копытами глушил лошадиный топот. Возницы телег, едущих навстречу, издали заметив всадников, одетых в кольчуги и шеломы, оружных до зубов, принимали правее, выезжая на обочину, нашаривая, подвигали поближе к себе топоры и дубины, с опаской наблюдали, как вои верхами проходят мимо, спешат по своим делам.

К деревянному широкому и длинному мосту через Десну отряд вышел только к середине второго дня, а переправившись, уже версты через три подъехал к вожделенному перекрестку, где на обочине дороги, ведущей в смоленские земли, лежал огромный, с сединой от поросшего мха, камень, вещающий о дорогах и их направлениях, – жига.

Горбыль огляделся. Простора для маневра было мало. Вокруг перекрестка и дорог, уходящих с него, простиралась стена густого леса.

– Кветан, ну и где предлагаешь залечь в засаду? – спросил у подъехавшего юноши.

– О прошлом разе нападение было менее чем в версте отсель. Мыслью, что ежели и нападут, то менять место не будут. Так и мы недалече схоронимся.

– Мал, Ощера, слазьте с коней. Значит так, остаетесь на перекрестке, выберете дерево повыше и погуще, но так, чтоб дорогу видеть. Следить за всем что происходит. Где, куда, откуда кто появится, проедет, пройдет, все подмечайте. Сидите тихо, а главное, что бы ни происходило, ни во что не вмешивайтесь. Если враг на нас выйдет, я думаю, что с лесными братьями мы и без вас справимся. Маскхалаты надевай прямо на броню. Задача ясна?

– Так точно! – два голоса слились в один.

– Выполнять!

Проскочив еще с версту, кривичи спешили, увели лошадей подальше в лес. Ослабив подпруги, стреножили животных, оставили пастись на крохотной полянке, случайно найденной в двухстах метрах от дороги. Напялив маскхалаты, просочились в обратном направлении. Каждый выбрал себе схрон, чувствуя присутствие соседа справа-слева, замер, слился с местностью, затих в ожидании.

До самого вечера на дороге ничего не происходило. Перед сумерками в сторону Курска, торопясь, проследовали десяток подвод. Лошади тащили тяжелые, загруженные до верха товаром телеги. На первой телеге рядом с возничим сидел дородный, в преклонных летах, бородастый словен, в наброшенном прямо на плечи тулупе, видимо, мерзли старые кости. На остальных повозках возничие восседали по одному. Шестеро верховых, вооруженных и бронных, державших в руках круги деревянных щитов, сопровождали караван спереди и сзади. Постепенно скрип телег перестал быть слышен.

К Горбылю ужом проскользнул Кветан, прилег рядом.

– Торопятся. Но думаю, до постоялого двора к ночи не успеют. До него отсюда через реку верст пять будет, а то и боле. Либо у обочины расположатся, либо ночью пойдут.

– Согласен. Что предлагаешь?

– Может, сдвинемся к перекрестку?

– А смысл? Глядишь, сейчас еще караван в другую сторону пройдет. Что нам, разорваться?

– Тоже верно.

– Здесь не десятком, минимум сотней работать нужно. Иди на место, замри. Ждем.

Стемнело, в лесу темнеет раньше. Потом и дорога погрузилась в ночь. Звездное небо по весеннему было чистым. Похолодало, только от лесной прели слегка шло тепло влажного духа. Ближе к полуночи по дороге глухо распространился топот ног одинокого бегуна. Пробежав чуть дальше засады, человек негромко окликнул:

– Батька!

Горбыль выбрался на дорогу.

– Чего шумишь, Ощера?

Боец подбежал к сотнику, зашептал, хотя смысла в этом шепоте уже не было:

– По правую руку от перекрестка был шум борьбы, правда, далековато от нас. Ржали лошади, люди кричали. Потом все стихло, а к перекрёстку подъехали десять телег с привязанными за уду к задкам оседланными лошадьми. На перекрёстке повернули к смолянам. Мал остался на посту, а я сюда, доложить.

– Добро, – Горбыль повысил голос, подал команду. – Всем ко мне, вывести лошадей на дорогу!

Галопом выдвинулись к месту вероятного нападения, хотя торопиться, в общем-то, уже и не требовалось. В «кармане» у дороги обнаружили следы пребывания каравана, тлеющие кострища, следы крови и натоптанные людские следы. В лесополосе, как ни шерстили, трупов не нашли.

– Собаками их травили, что ли? – указал на следы Честигнев, подняв факел над головой.

– Какими собаками? – возмутился Гостил. – Здесь поработали волки. Ты смотри, следы-то какие крупные, а много-то как! Стая. Волков двадцать-тридцать не меньше. Батька, уж не оборотни ли тут побывали?

Горбыль, прожив на Руси много лет, уже ничему не удивлялся. Собрав для себя всю информацию, какую только можно было собрать ночью, принял решение:

– По коням! Идем по следу каравана.

Остановившись на самом перепутье, ожидая, пока Мал слезет со своего насеста и подбежит к отряду, Горбыль задумчиво смотрел на сереющего в свете факела жигу.

– О чем задумался, батька? – спросил подъехавший Кветан.

– Да, вот думаю, когда возвращаться назад будем, поставлю вам задачу очистить камень от наростов, а вместо невидимых сейчас указательных словес напишу на нем: «Здесь покоится Змей Горыныч. Он был рожден для высокого полета, имел пламенное сердце и владел тремя языками».

Юноша опешил от таких слов.

– Зачем?

– А чтоб лет этак через восемьсот-девятьсот потомки, когда найдут камень и прочитают надпись, офигели и выдвигали гипотезы, какая сука украла останки пресловутого Горыныча и кому и за сколько их загнала.

– ...

– Шевелись, Мал. Ползешь как беременный таракан.

Встав на дорогу в северном направлении, отряд поскакал рысью, высматривая свежий след повозок. Ночью прошли мимо одиноких хуторов по сторонам широкого летника, миновали три деревушки с десятком изб в каждой, а в утренних сумерках Жвар, сам родом из лесного поселения, сызмальства натасканный отцом-охотником читать следы, на развилке указал вправо.

– Туда свернули.

Дорога явно сузилась, но позволяла скакать в колонну по два. Зазмеилась между лесной опушкой и возделанным полем по левую руку. Вскоре встающий рассвет вывел десяток к прилегающему к лесу баштану, неполивному огороду, неподалеку от которого проявилась околица селища, домов на тридцать, с хозяйственными постройками, крепкими изгородями, за которыми во многих дворах были видны стога прошлогодней травы.

– Богато живут смерды, – выразил общее мнение Ощера. – Ничуть не хуже нас в пограничье.

– Не расслабляться, – рыкнул Горбыль. – Ощера, Мал, обогнете деревню слева, Наседа, Хвощ – справа. Остальные, входим в деревню.

– Батка, – молвил Жвар, – дорога опять на развилку ушла. Одна в саму деревню тянется, другая ее справа огибает. К дальнему лесу ведет.

– Вот с деревни и начнем. Поспрошаем что да почём.

Собачий лай поднялся в деревне еще до того, как всадники подъехали к околице с вкопанными с обеих сторон дороги столбами, обозначившими божков, хранителей селища, с грубо вырубленными ликами, потемневшими и щелястыми от времени. Из-за околицы навстречу приезжим выставилась толпа бородатых, серьезно настроенных мужиков, с топорами и вилами в руках. Судя по всему, к сельскохозяйственному инвентарю смерды этой деревни относились не в пример лучше, чем к настоящему оружию, но постоять за себя и общину были способны. За толпой мужиков стояли женщины с покрытыми платками головами, следившие, чтоб ребятня не высунулась вперед, проявляя интерес к происходящему.

– Стоять всем здесь, – Сашка соскочил с лошади, в одиночку направился к замершей в ожидании толпе, приглядываясь к людям, окидывая взглядом саму деревню. Он хорошо помнил армейский закон, проверенный на чеченской земле: «Против толпы не переть, если хочешь поговорить и договориться».

Горбыль, остановившись метрах в семи от общества, гаркнул:

– Кто старейшина?

«Колхозники» зашумели, загомонили, исподлобья глядя на чужака.

– Есть старейшина в этой богадельне, спрашиваю?

Из толпы выступил совсем не старей, телесно крепкий смерд, годов тридцати – тридцати пяти, одетый в длиннополое рубище из домотканой грубой материи с подкладом, на котором швы походили на шрамы. По-видимому, сельская мастерица не озаботилась красотой своего творения, а имела в виду, прежде всего, удобство в носке и работе. Длинные и широкие рукава завершали крой. Порты, заправленные в короткие широкие из грубой кожи поршни, пузырились из-под полов рубища. Точку во всей этой красоте ставил вышитый пояс-оберэг.

«Карден отдыхает», – хмыкнул про себя Сашка.

– Ну я!

– Как звать?

– Кучма.

– Ка-ак? – Сашка чуть не обоссался от смеха, вспомнив президента самостийной Украины.

– Кучма! – повысил голос старейшина селища, может, подумал, что чужак глухой.

– Что ж, любезный, можешь сказать своим орлам, что на сегодня грабеж, мордобой и остальные показательные выступления для вашей деревни отменяются. Насиловать женщин у моих юнцов безусых, – Сашка кивнул себе за спину, проследив за взглядом мужика, вскользь брошенным на юных кривичей, – сегодня настроения нет. А вот поесть, причем солидно, в вашей деревеньке нам бы хотелось. За еду мы, естественно, заплатим звонкой монетой. Ну и лошадей соответственно тоже накормить потребно.

– Тебе, витязь, кто-то неправду сказал. У нас в селище постоянного двора отродясь не было.

– Что ж вам деньги не требуются? Богато живете, смотрю.

– Ну, богато – не богато, а не бедствуем. Почитай все селище кровная родня. Ладно. Три деньги серебром с вас, и накормим, а уж потом уезжайте.

– По рукам!

Уже входя в деревню пешим шагом, из уважения к жителям вели лошадей в поводу. Сопровождаемые деревенскими, юнцы оглядывали дворы, выискивая глазами какое-либо несоответствие спокойной крестьянской жизни. Сотник дивился на добротность и величину изб, крытых дранкой, с пристройками сеней, с расписными окнами, выходящими на улицу или на южную сторону, в рамы которых вместо стекол была вставлена слюда. Крыши домов односкатные, у иных владельцев даже двускатные с коньком наверху. После устроенной тревоги женщины поняв, что все решилось миром, разбежались по дворам, хозяйство не будет ждать долго. Открывались калитки, и на улицу погнали коров, прекрасно помнящих, в какой стороне выпас, и потянувшихся к другой околице деревни. Хлопотливые куры далеко не отходили от заборов своих хозяев, тем паче при каждом гареме вышагивал свой султан, зорко глядевший за действиями многочисленных жен.

Прискакали разведчики, доложили, что тати на развилке погнали караван по правой дороге. Горбыль торопить события не стал, уж если Жвар взял след, то не выпустит. Если не суждено выхрючиться, то нужно хотя бы плотно поесть, да и ноги размять дорожного стоит.

– А что, Кучма, хорошо ли вам здесь живется? – отдуваясь, набив утробушку, задал вопрос хозяину. – Вижу, селище у вас действительно богатое.

Старейшина явно подобрел после того, как три серебряных кругляша перекочевали из Сашкиного кошеля в его заскорюзлую от работ ладонь, поэтому и угощение выставил доброе. Молодые организмы набивали желудки вчерашними щами, причем варево принесли сразу из трех дворов, слили в один казан и подогрели до кипения. Из погреба на столы выставили куриный холодец, грибы, нашинковали шмат сала, нарезали лук, головок с десяток чеснока, не очищая положили прямо на столешницу. Две буханки душистого хлеба завершали угощение.

– На житье не жалуемся. Пока боги хранят наш род.

Три пригожие девицы в вышитых рубахах и кофтах, в поневах ниже колен, в возрасте невест, споро управлялись, угождая снедающим воям, бросая усмешки молодым парням. Здесь же сновала детвора, разглядывая экипировку и оружие, пользуясь моментом, что их не гонят и не обращают на них внимания.

– Девочек-то своих, небось, в другие деревни замуж отдаете? Берут? Смотрю, красавицы они у тебя.

– Та, без мужей не остаются.

– Издалека сватают, или поблизости есть кому пристроить? А то смотри, сколько у меня женихов за твоим столом собралось.

Кучма окинул взглядом притихших юнцов, в глазах читалось: «И чего пристал? Поели? Пора и уезжать».

– Да не так уж и далеко отдаем, кругом люди хорошие живут. На полночь пойдешь – селища Кормильцево, Рыжухино, а дальше смоляне селятся. На заход солнца – Якино, Колпино, Магуры. Ну, с полдня вы пришли, сами видели, сколь деревень. Теперь везде почитай родня. Волох наш, Простивой, счет добре ведет, не даст крови близких смешаться.

– Ага! А чего ж про восходную сторону умолчал? Или деревень там нет?

– Да были когда-то. Теперь нет. Осталась одна, у самого болота стоит.

– А с остальными что случилось?

– Не ведаю. Может, мор прошел, а еще говорят, что колдун извел. Он на болотах живет. Мы в ту сторону не ходим.

– Что, даже к соседям, которые у болота живут?

Кучма напрягся, не зная, как повести себя. Сказать или не сказать? Решился:

– Недобрые они. Не пахнут, не сеют, скотина и та есть ли, не ведаем. Но нас не трогают, и мы к ним не лезем.

– Чем же промышляют?

– Трудно сказать, они даже в капище не бывают. Волох к ним ходил, так даже в деревню не пустили. А еще три года назад ведь соседились... – сказал и смолк.

– Ну что ж, спасибо за то, что накормили. Как говорится, пора и честь знать. Прощай, хозяин, пусть всегда будет в селище твоём милость богов.

Осталось позади селение с возделанными полями и баштанами, с людьми, по-доброму принявшими их у себя. Дорога ныряла в лес, по правому боку ветерок донес резкий запах болота, к которому примешивался сладковатый, неприятный запахок тлена. Ехавший впереди всех Жвар поднял руку, жестом отпальцевав остановку всему отряду. Соскочил на землю, отошел в сторону болотного духа, присел на колено, приглядываясь к следам, ведущим через кустарник в чащобу.

– Здесь телеги делали остановку, люди что-то волочили в лес. Может, там схрон?

Жвар первым протиснулся между ветвями, пошел по следу, стараясь идти бесшумно, но все равно тишину леса нарушили гвалт, карканье и шелест множества крыльев взлетающих пернатых пожирателей мертвечины. Сотни ворон поднялись на крыло, уносясь подальше от нарушителя спокойствия.

– Батка! – позвал следопыт, не беспокоясь больше о том, чтоб сохранить тишину.

Вместе с Горбылем на зов, топая и шумно раздвигая ветви, прибежали и остальные бойцы.

– Гляди!

В двух десятках шагов от полосы дороги начиналось болото, поглотившее лес. Прямо из зелени болотины торчали сухие стволы берез, осины. Вдали островные возвышенности позволяли деревьям выживать, зеленеть распутившимися листьями. У самой кромки воды, замутненной, потревоженной, кривичи увидели множество людских трупов, сброшенных с возвышенности твердой почвы. Открывшееся взгляду царство мертвых пополнялось не один день, даже не один месяц. Виднелись обглоданные кости и черепа, истлевшие обрывки одежды, клоки волос. От разложившихся останков посвежее тянуло гнилостным духом, вызывающим рвотные позывы. Двое из горбылевской команды, не сумев перебороть отвращения, вывернули свои желудки наизнанку, выблевав все, что съели два часа назад в северянском селище.

– Чего продукты переводите? – недовольно заметил Горбыль. – Еще неизвестно, когда теперь поесть сможем.

Он прошел дальше вдоль кромки, разглядывая масштабы своеобразной братской могилы. Словно показывая, что он лезет в чужое хозяйство, в десяти шагах от него из плоской поверхности зеленого бархата болотного ковра высунулось непонятно что, проскользнув длинным, толстым телом, похожим на гофру земляного червя, снова ушло на глубину, заставив Сашку отступить от болота, выхватить клинок.

– Тьфу, нечистая сила, в рот тебе ноги. Напугал, зараза. Инвалидом сделать хочешь?

Кветан тронул за плечо.

– Идем, глянешь, батка.

– Чего тут еще глядеть? И так все ясно.

– Идем.

Кветан указал на десяток свежих трупов, судя по всему сегодняшней сброс. Изуродованные неимоверно, с вырванными кадыками, выгрызанными кусками плоти, перепачканные кровью, сломанными куклами они валялись в одном месте.

– Вон тот купчина, который ехал с возницей на одной телеге. Теперь ясно, что это точно наш караван вели.

Издали, с левой стороны от сгрудившихся у болота бойцов, послышался безутешный горький плач, заставивший сжаться сердца. Юнцы без команды ломанулись в ту сторону. Стадное чувство заставило Горбыля бежать вместе со всеми. Кому-то, кто выжил, требовалась помощь.

У самого болота, у мелкого кустарника, сидела красивая девушка с распущенными, спутанными волосами. Слезы лились потоком из светло-синих глаз, с шеи на вышитую рубашку струилось монисто речного жемчуга, бликуя искрами под лучами пробившегося через листву солнца. Она протянула руки к подбежавшему первым Наседе, и тот послушно подал навстречу свои, замороженный красотой незнакомки.

– Сто-ой! – послышался позади толпы голос Жвара. Злодейка, уцепившись за руки юнца, с невероятной силой потянула парня за собой в топь. Горбыль на автомате ухватил своего воина за широкий кожаный ремень, уперся, не давая красавице исполнить мерзкий план. Юнцы от происходящего действия встали в ступор. Жвар, протиснувшись между живыми статуями, проскочив мимо Горбыля и Наседы, от всей души взмахнул саблей из-за спины, снес красивую голову с лебединой шеи.

– Вх-хы, – выдохнул на излете клинка.

Голова покатила в болото, а из освобожденного от головы среза Наседу обрызгало струей жидкости, отдаленно напоминающей кровь. Сила безголовой красавицы ослабла, хватка рук осталась. Горбыль вместе с Наседой выдернул из болота тело девицы, увидев которое от отпустившего напряжения и нервов зашелся безудержным смехом. Красивые изгибы тела под рубахой, высокая грудь и аппетитная задница заканчивались толстыми гусиными лапами с грубой кожей и черными перепонками ласт.

– Болотница это! – отдуваясь от бега, выпалил Жвар. – Почитай, сродственница русалки. Я же кричал, стой! Али не слышал никто?

– Молодец, Жвар, в этом цирке хоть один умный нашелся.

– Спасибо, батька! – наконец-то избавившись от рук болотной нежити, пролепетал Наседа.

– Жвара благодари. Домой вернемся, седмицу казарму драить будешь. В одиночку! Чтоб знал в следующий раз, куда руки протягивать.

– Батька! – Мал перстом показывал на болото, выпучив глаза от удивления.

Все глянули в указанном направлении. У сухой березы, на кочке сидел, держа в руке сучковатый посох, седой дедок с широким желтым лицом. Заметив, что на него смотрят, поднял кулак вверх, вытянутым указательным пальцем погрозил, скорее всего, конкретно Горбылю:

– Попомнишь еще!

Разнесся над болотом скрипучий голос.

– Не грози, угребище. За болотом бы своим смотрел лучше. Устроил здесь залежи трипера. Старый маразматик!

Горбыль сложил левую руку на внутреннюю сторону локтя правой руки, приподняв резко кулак в характерном жесте. Отвернувшись и демонстративно больше не обращая внимания на деда, отдал приказ:

– По коням!

Уже выходя из леса и уместившись в седле, спросил:

– Жвар, что за крендель был на болоте?

– Батька, это болотняник, родич водяного. Хозяин этого болота.

– Ну, я где-то так и представлял. Все! Двинулись дальше.

Раскинувшаяся среди леса деревня в десяток изб удручала взгляд всем своим видом. Покосившиеся изгороди, пустые проемы окон, незакрытые двери, еще державшиеся на ременных петлях. Во дворах не мычало, не кудахтало, не гавкало никакой живности. На задних дворах стояли пустые телеги, с колесами, вросшими в грунт. У изб буйство некошеной травы

переходило на ленту уличной дороги. Сады в запустении. Повалены на землю столбы чуров, когда-то хранивших род от посягательства нежити. Даже в небе над деревушкой клубилась, играя и резвясь, немалая стая ворон, то сходясь, то распадаясь, поднимаясь ввысь и опускаясь, пролетая над самыми коньками крыш. Устав, стая рассаживалась по крышам, каркая, делилась впечатлениями от игрищ. Раздолье для пернатых, главное и жрачки на болоте завалились. Проголодаются, полетят на поклевку.

– Ка-аг, ка-аг! Ка-аг! – слышалось на всю округу.

Так жить можно. Сытно и весело.

Издали наблюдая за пернатым царством, Горбыль мотнул подбородком в сторону деревни, посылая разведать обстановку в ней. Гостил с Кветаном в маскхалатах поверх кольчуг, с арбалетами в руках, пригибаясь к земле, побежали к строениям. Перепрыгнули изгородь, прижимаясь к подогнанным бревнам стены, обошли избу. Никого! Обошли вторую, третью. Заглядывая за пустую конюшню, скорей по запаху, чем визуальнo, наткнулись на два полуобглоданных человеческих тела. Видимо, их слегка прикопали землей, да воронье, чуя поживу, разрыло лакомство, использовало по своему назначению. Дальше – больше. В следующем дворе прямо в центре лежал труп лошади со вздувшимся от дневной жары животом. Птицы труп поклевали, да погибла-то она от того, что какая-то нечисть разорвала ей горло, вырвав из него большой шмат мяса. В саду с борта пустой телеги, выпачканное в меду, свисало тело мужчины, изуродованного до неузнаваемости, все погрызенное и поклеванное. Исходивший от него запах говорил о том, что висит он здесь не меньше седмицы.

– Квет, да что же здесь делается-то? Глянь, сколь много народу погублено, – зашептал Гостил.

– Идем дальше. Нам еще половину деревни обойти потребно. И так Ярило на сход уже пошел.

Вывернув из-за угла избы, нос к носу столкнулись с сидевшим у входа в жилище смердом. Прищуренным, недобрым взглядом из-под тяжелых надбровных дуг мужик посмотрел на вставших столбами чужаков. Зловещая ухмылка поползла по губам, обнажая крепкие зубы, с ярко выраженными клыками.

– Это вы зря забрели сюда, гостечки дорогие. Теперь навсегда останетесь деревню сторожить, вона у вас и самострелы имеются, – смерд выплевывал слова так, как будто отвык разговаривать человеческим языком.

Стоявший чуть в стороне Гостил увидел полосу жесткой шерсти, тянувшейся от макушки к загривку мужика.

«Длака», – вспомнил он название, когда-то упомянутое бабкой Павлиной, ведуньей кривичей.

– Квет, это волкодлак!

Оба, не сговариваясь, подняли арбалеты, направив их на смерда. Тот, уворачиваясь, соскочил с чурбака и бросился бежать в направлении заднего двора, рывками меняя направление. Юнцы побежали за ним.

Гостил успел разрядить арбалет, но промахнулся, болт воткнулся в землю в том месте, с которого беглец отвернул в сторону.

Крепкий, верткий мужичара на полном ходу рыбкой перелетел через вбитый в землю деревянный кол, кора на котором подсохла и слезла, валялась у основания. Перевернувшись через голову, из тряпок на теле вывалился матерый волчара, гораздо больших размеров, чем обычный лесной санитар. Тут же в ляжку волкодлака вошел болт, пущенный Кветаном. Серый зверь с темным следом по всей спине взмахнул пушистым хвостом, человеческими глазами глянул на обидчика и, несмотря на торчавшую из ноги стрелку, на большой скорости припустился к лесу. У самой опушки, остановившись, присел, поднял кверху зубастую пасть.

– У-у-у-у! – разнесся протяжный не то вой, не то стон по округе.

– Ясно! – подвел итог Горбыль, выслушав пешую разведку. – В лес нам соваться не стоит, скоро ночь на двор придет. А посему, Жвар, отгони лошадей подальше, припрячь, может, не сыщут. Сам вернешься в деревню. Ну а вы, козыри дивные, забирайте все оружие, какое есть, выдвигаемся в деревню. Разместимся в двух избах по соседству, готовимся к встрече с серыми разбойниками. Могу, так сказать, поднять настроение перед схваткой. Либо мы их всех угондошим, либо нас даже вперед ногами ни одна б...дь не вынесет, будем в этой деревне землю унавоживать.

Ближе к ночи Сашка приказал поджечь соседние избы и сараи. Пока разгорится, наступит ночь, а в темноте враг может подобраться и порезать всех как овец в отаре. Высушенные временем деревянные постройки хорошо разгорелись, не только давая свет, но и прогревая воздух. Двери изб закрыли и заблокировали, как могли. Проемы окон изнутри и снаружи забили досками с большими щелями для удобства стрельбы. Проверили ходы на чердаки, куда можно было отступить, если будут «поджаривать». Разделились на две пятерки, плюс в одной сотник. Ожидали. Вторые сутки не спали, а спать хотелось неимоверно, поддерживало лишь напряжение неотвратимого близкого боя. Тишина и молчание напрягали еще больше, чем близость смерти. Чего ее бояться – дважды все равно не умирают. Отсвет пожаров поддержала бледным светом круглая, полная луна. Наконец со стороны леса прозвучал надрывный волчий вой, ответом которому был протяжный клич десятков волчих глоток.

– У-у-у-у-у! У-у-у-а-у!

– Начинается. Готовность ноль!

В тихой ночи по деревне разносился мягкий топот волчьих лап; отсветы горящих изб и хозяйственных построек проявили тени бегущей стаи. Рык, хрипы и нетерпеливое повизгивание, казалось, раздавались повсюду. Со стороны слепой стены послышалось мощное шуршание, как будто кто-то лопатой отбрасывал мелкий гравий от дома.

– Подкоп, что ли, роют?

– Да сколько же их тут?

Волки хаотично разбегались у домов, своим поведением напоминали натуральных лесных хищников. При появлении в пределах охотничьих угодий стаи неизвестной добычи волки никогда не нападают сразу, присматриваются, с кем их свел господин случай, какую опасность добыча таит, а уж разведав все, бросаются в атаку. Валят, рвут, грызут. Поведение волкодлаков было таким же.

– А ну, парни, поработайте-ка арбалетами, – глядяваясь через щели, негромко молвил Горбыль. – Только не все сразу, а по одному, не торопясь, через промежутки времени. Пусть думают, что в избе один человек сидит.

Хвоц, выцеливая из окна молодого волчару, припавшего брюхом к земле, выпустил болт, пробив тому череп в районе лобной кости. От еще живого, сучащего ногами зверя в стороны порскнули серые товарищи, уходя из сектора обстрела, чтоб стрелок из окна не мог достать их. Было странно, но волкодлак с пробитым черепом был еще жив. Мал всадил в него еще один болт, чтоб наверняка упокоить хищника. Все из темноты избы увидели, как на месте волка оказалась молодая девушка с обкромсанными на голове волосами.

– Карна, – выдохнул кто-то.

Да, перед окнами лежала наказанная за что-то девица. Кто-то при жизни обрезал ей волосы в наказание совершенного проступка.

– Молодая, какая!

– Я те дам, молодая, – зашипел Горбыль. – Небось, крови отведать успела. Не расслабляться, лови в прицел следующего.

В дверь с разбега приложился кто-то весом с носорога, не меньше. Дверь слегка подвинулась, оставив щель в палец шириной. Еще удар, еще подвинулась. Сашка навалился спиной на припертую к двери столешницу, уперся ногами в доски пола и следующий удар чувствительно

ощутил на весь свой корпус. Подбежавший Ощера сунул цевье самострела к щели, разрядил его в образовавшуюся дверную прореху.

– У-у-у-у! – взвыл оборотень за дверью, при этом в дверь забухали еще ожесточеннее и чаще, видимо, заработал не один волкодлак. Шум ковыряний за слепой стеной усилился тоже, сопение слышалось уже под досками пола.

– Все на чердак! Разбирайте дранку, стреляйте сверху, – приказал сотник.

По скрипучей лестнице вся пятерка, привыкшая безоговорочно подчиняться своему батьке, полезла на горище, оттуда послышались удары и звуки сбрасываемой на землю щепы. Все пятеро, повывлезав через образованные дыры на двускатную крышу, выцеливали метавшихся у изб серых, обстреливали их болтами. Глаза волкодлаков красными угольками светились из тьмы ночи. Сильные подвижные оборотни представляли собой трудные мишени. Много болтов юнцы потратили впустую. Вокруг изб валялось всего шесть тел, посмертно обернувшихся из волков в людей. Защитники второй избы-крепости, углядев из окон своих товарищей на крыше, тоже посбивав дранку, повывлезали наверх, стали стрелять оттуда. Для кривичей бой превращался в вялотекущую развлекуху, для оборотней, наблюдавших за бойцами из укрытий и прячущихся под стенами, – в созерцание пустой траты болтов чужаками.

Горбыль уже пожалел, что заставил бойцов втащить лестницу на чердак. Рытье нор под полом избы уже раздавалось с трех сторон. Стоя посреди избы, с саблей в одной руке и щитом в другой, он гадал, с какой стороны на него набросятся первые волкодлаки. Факелы, закрепленные на стенах, чадя, хорошо освещали горницу. Первыми в избу проникли копатели из-под слепой стены. Подгнивший пол вдруг встопорчился, трухлявые куски досок разлетелись во все стороны, поднимая тучи пыли. В горницу свечой ворвался матерый оборотень. Сашка не упустил момент, на взлете развалил его клинком от самой шеи, через позвоночник и ребра, почти располовинил на две части. За первым в помещение прорвался второй, откатившись в сторону, ушел из-под удара. По виду походил на молодого, годовалого волка. А из норы уже лезла голова очередного выродка, которому Горбыль в горячке, походя, снес саблей пол черепа. Выпачкивая сапог в крови и мозгах, втоптал убиенного обратно в нору, тем самым пломбируя прокопанный ход. Вовремя обернулся к верткому хитрецу, в любой момент готовому броситься на спину потенциальной жертве. Потеснил того в угол, не давая напасть, перешел в боевой режим оборотня-берсерка, замечая, как исполосованная шкура на волке мгновенно затягивается, не оставляя шрамов.

– О-о, вот ты какой, северный олень! – удивился Сашка.

При прыжке принял на щит тушу и, вгоняя в пасть острие клинка, вышедшее из затылка, спинным мозгом почувствовал, что уже из другой дыры, образовавшейся у печи, лезут оборотни, почему-то чихая, кашляя, с закрытыми глазами отползая в сторону, давая время Горбылю перевести дух. Сашка заметил, как в голову очередного показавшегося из дыры волка из печи полетела добрая горсть старой сажы. Он ударом отделил ему голову от туловища, прикончил тех, которые уже были в избе.

От околицы раздался протяжный волчий вой, а вскоре оборотни, пронесшись по улице, покинули деревню, скрывшись в ночи. Выйдя на воздух, Горбыль рукавом вытер вспотевший лоб, полной грудью вдыхая ночной прохладный воздух.

«Фух, выстояли».

Освободив от трупов избу, вытащив тела на улицу, по лестнице вновь выбрались на чердак, втащили и ее за собой и, не заботясь об охране, провалились в глубокий сон.

4

Сашке снился Яков Моисеевич.

Еще будучи курсантом первого курса десантного училища, Горбыль чуть не лишился законного увольнения в город. Курсовой офицер Витя Галкин, капитан, отбарабанивший два года Афгана, имеющий красную звездочку на кителе, полученную не за протираание штанов в штабе армии, по возвращению в Союз ставший большим любителем выпить, обратил внимание на обросший череп курсанта, стоявшего в строю увольняемых. Строй распустили, а Галкин все еще стоял на плацу, вертя в руках Сашкину увольнительную записку. Выпить хотелось неимоверно, просто до усрачки. Курсант мешал проделать заветный путь до ротной каптерки, к шкафчику с вожденной бутылкой прозрачной жидкости, сорокаградусного пойла. Стоял и канючил:

– Ну, товарищ капитан. Ну, товарищ капитан!

Переступив через себя, Витя сунул увольнительную в руки молодого «черепа», сделав грозные глаза, приказным тоном заявил:

– Чтоб из увольнения прибыл подстриженным под ноль! И смотри, не опоздай.

Первый курс во всех без исключения военных училищах России называли «минусами» или «желудками». Ну, «минуса» за курсовку на рукаве под шевроном, а вот «желудки» – за то, что в любое время суток, хоть днем, хоть ночью, молодые всегда хотели есть, все равно что, но побольше, главное, чтоб было съедобно. Шла перестройка организма.

Горбыль мухой выскочил через центральные ворота КПП, предъявив на выходе клочок бумаги с печатью – увольнительную записку. Бегом побежал в ближайшее заведение общепита, «свившее гнездо» неподалеку от внешней стены рязанской «дурки», а уже через двадцать минут, сыто отдуваясь, набив утробушку, направил свои стопы к месту жительства родни. Там тоже можно было не хило перекусить. Сойдя с автобуса, проходя ряд многоэтажек, заметил неброскую вывеску «Парикмахерская». Если б не Галкин со своим приказом, проходя десятки раз мимо скромного заведения, Сашка и не зашел бы в него никогда, да вот так случилось, что пришлось.

Совсем крохотный зальчик, на два кресла, и ни одного посетителя по случаю майского воскресного утра. Курсант Горбыль оказался единственным клиентом уже старого, полностью седого колобка, совсем не богатырского роста, с характерными чертами лица.

– Молодой человек, как желаете подстричься? – слегка картавя, задал вопрос парикмахер в белоснежном халате.

Так Сашка первый раз увидел Якова Моисеевича, в прошлом киевского еврея, в незнамо каком поколении, а сейчас жителя стольного города Рязани. С тех самых пор стричься Горбыль приходил только к своему мастеру. В очередной раз, сидя в кресле, слушал приятный, южный говор, со сменой букв с «р» на «г»:

– Я вас, Саша, даже в чем-то понимаю. Вы молоды, красивы, сильны, но простите меня, могли бы выбрать несколько другой род деятельности. Быть военным, Саша, это опасно, это сейчас не престижно. На этом не сделаешь гешефт. Я вас уверяю. Я сам болею за киевское «Динамо», но, как говорил покойный Наум Соломонович, очень достойный человек был... Уже лет двадцать, как Яхве прибрал его до себя... «Лучше быть плохим дантистом, чем хорошим футболистом». И вы знаете, Саша, я ему таки почему-то верю. Заметили, наверное, люди моей крови, поддавшись уговорам каких-то забугорных шлемазлов, в свое время ринулись на землю обетованную, в Израиль. Но там война, Саша. Там постоянно воюют, даже когда мир. И де они теперь, спросите вы меня. Так я вам отвечаю. Попробовав, чем это все пахнет, они осели в Америке, Германии и Австрии, ну некоторые в Канаде. Сейчас с палестинцами воюют те, которые приехали в Израиль опять же из Америки, Германии и Австрии, ну может еще из

Польши. Но эти не наши. Им что, так было очень нужно бросать насиженное место в спокойных странах? Это, Саша, какие-то неправильные евреи. А нашу молодежь сейчас туда и калачом не заманишь, там же служить надо, а потом еще в горячем резерве находиться. А здесь красота! Заметили, восемьдесят процентов великих артистов в России евреи. И каких артистов, Саша! А певцы и мастера разговорного жанра, а-а? Обратно, деньги сейчас у кого? Отвечу! У наших. Советники президента страны тоже из нашего семени. Один Боря Березовский чего стоит! Голова! А спортсмены, Саша? Вы видели среди них евреев? И не увидите. Шахматы, это да, это, так сказать, наш вид спорта, головой работать, это вам не руками-ногами размахивать. Так что примите совет старого еврея: со своими погонями на плечах вы кроме проблем в жизни ничего другого не заработаете.

Жестом фокусника старый мастер сбросил простыню с обрезанными лохмами волос с Сашкиной груди.

– Все, уважаемый Саша. Было приятно с вами поболтать. До свиданья. До следующей стрижки.

Вот и сейчас Сашке снился Моисеич. Он, как всегда мило улыбаясь, говорил во сне своим приятным, спокойным, южным говором:

– Ну почему, Саша, вы никогда не слушаете нас, стариков? Вот и сейчас у вас возникли проблемы. Думаете, если отбились от оборотней, так ваша жизнь в шоколаде? Таки нет! На болотах живет колдун. Так этот поц и заварил всю эту кашу, а расхлебывать ее предстоит вам, уважаемый Саша. Что это вы дергаетесь? Дышать тяжело? Ничего, это пройдет, да вы дышите. Глубже дышите!

Горбылю действительно было тяжело дышать, что-то тяжелое горячее давило на грудь. Сашка проснулся в холодном поту, открыл глаза, спокойно рассмотрел двух человекоподобных существ, устроивших посиделки прямо у него на грудной клетке. Через прорехи в крыше избы давно поднявшееся солнце создавало хорошую видимость на чердаке.

– Смотри, кажись, проснулся, – баском оповестил один из бородатых мужичков игрушечного роста. – Ну и горазд же ты спать!

– Так я и от пожарь не отказался бы, – Сашка в раздумье принимал решение, смахнуть домашнюю нежить рукой с груди, или пусть уж сидят как сидели. – Что, другого места приземлиться не нашли? Обязательно нужно по костям потоптаться?

– Хорош дрыхнуть. Ярило вскорости в зенит встанет.

– Ну и чего вы от меня хотите?

– Ты это, ты нас давай с собой отседова забирай. Деревня умерла, так почитай нас двое на всю округу и осталось.

– Ага. И с чего я вас забирать должен?

– Дак, мы тебе вчерась помогли, вместилах от волкодлаков отбивались.

До Сашки дошло, кто вчера метал сажу в глаза оборотней.

– Хгу-у, так оказывается, вы мои боевые товарищи, вместе кровь проливали в борьбе с нечистью!

– Ты давай, не юли. Говори, заберешь нас али нет?

– Таких бравых парней грешно оставлять. Ясен пень, заберу. Только перед тем как забрать, мне от вас кое-что узнать надобно.

– Спрашивай. Ежели знаем, скажем.

Сашка аккуратно сдвинул обоих домовых со своей груди, поднялся, присев на ноги. Весь его отряд беспробудно дрых. Пригибаясь под потолочными балками, пытаясь не треснуться лбом об них, поманил обоих вниз. Следом за Горбылем домовые вышли на подворье. Солнце действительно приближалось к зениту. От прогоревших пожарищ на месте изб и построек, курясь, поднимался дымок. На улице и у оставшихся целыми изб лежали трупы бывших волкодлаков, своей бледной наготой портили впечатление от солнечного денька.

– Вот что, мужики, расскажите, как в этой деревне народ дошел до жизни такой? Как так случилось, что целая деревня превратилась в оборотней?

– А че тут говорить? Года три назад объявился на наших болотах колдун. Полесуном его кличут. Пришел в деревню девку в жены требовать. Он ведь совсем даже не старый, с виду можно сказать, молодой людин. Да-а, девку выбрал самую баскую, Радой ее звали. Надо тебе сказать, что девка та была уже сговорена за сына старейшины селища Кормильцево. Значится, случился ему от ворот поворот.

– А по осени сваты с молодым приехали невесту забирать, – влез в разговор второй дедок-с-ноготок. – Все честь по чести, гостей за стол усадили. Угощают. Обрато все соседи собрались, радуются за молодых. Э-эх, хотя б волхв рядом был, глядишь и обошлось бы. Дверь скрипнула, глядь, а на пороге Полесун стоит, улыбается. Прямо с порога молодых поздравляет.

– Ага, только видим, в горнице от подарков его колдовство исходит. Смерды сумрачными становятся, волками друг на друга смотрят.

– Дальше шерстью покрываться стали.

– И морды, слышь? Морды волчьи вместо лиц у людин проявились. Началась грызня.

– Многие в окна уже волкодлаками повыскакивали, на родовичей набросились, кои людьми пооставались.

– Вот их десятка три за колдуном в болото и ушли, а деревня с тех пор пустой стоит.

– Да-а, десятка три волчар – это серьезно. Им человечинки постоянно хочется. Попробуй такую ораву прокорми. Это, выходит, они на других дорогах баловали, а нынешним годом на черниговский тракт перешли, чтоб не светиться. – Горбыль почесал пятерней лысый затылок, провел ладонью по обросшему щетиной подбородку. – Та-ак, значит, во-первых, наведуясь к колдуну, а на обратном пути вас заберу. Устраивает?

– Ага!

Подняв отряд, Горбыль распорядился внести тела, включая и давнишних жертв оборотней, в соседнюю избу, поджег ее, чтоб не было в дальнейшем никаких проблем. Вернувшийся Жвар, ходивший за лошадьми, угрюмо развел руками.

– Батька, нет у нас больше лошадей. Порезали их ночью волкодлаки.

Расстроившийся было Сашка прикинул по количеству покойников, что отряд уничтожил девятнадцать волчар, а уж с одиннадцатю в дневное время они должны справиться.

– Ладно, – махнул он рукой. – Идем в болота. Воевать придется на голодный желудок. Ничего-о, злее будете. Построились. Жвар, Кветан, в передовой дозор. Остальные, напра-во. Потопали, граждане.

До болот оказалось рукой подать. Чуть вступили в лес, и вот они, пожалуйста. Когда-то протекающая река заросла, заилилась, превращаясь в болотину, потянула за собой поросшую разномастным лесом долину. А за десятки лет большую территорию покрыла сеть болот, низменная, переходная и верховая. Лес заболотился, во многих местах высох, повалился в бездонную пучину. Даже с берега виднелись пеньки и обломки стволов берез, выпирающие из плоской поверхности зеленого бархата мхов и травостоя. То тут, то там возвышались кочки, бугры и мочажины. Вдали на бугрившихся островах с твердым грунтом, поросших кустарником и травой, росли сосны и ели, толстые в обхвате, они вымахали в вышину на добрых двадцать метров.

Проходя вдоль берега, Горбыль заметил у одного из островов открытое водное окно, от основания к краям которого шла рябь, как будто из глубины всего этого пованивающего тиной хозяйства сновали рыбы величиной никак не меньше размеров старого сома. Вода на цвет напоминала заварку в забытом заварочном чайнике. Честигнев, усевшись на задницу, дотянулся носками поршней до болотного грунта, прощупал вязкую мшистую поверхность, всколыхнувшуюся от прикосновения.

– Ну и куда тебя черти понесли, дитятко? – возмутился Горбыль.

– Так ведь проверить!

– Я те щаз проверю. Я тебе щаз так проверю, что ты у меня седмицу на заднице сидеть не сможешь.

Молодой воин пулей отскочил от кромки болота, а из густого кустарника высунулась хитрая мордуленция Жвара.

– Нашел, батька, – радостно оповестил он. – Следы на гать вывели, да такую широкую, что телегами по ней ездят. Их по ней и в болото загоняли.

– Веди. Всем компактно построиться. Идем колонной по два, прикрыться щитами. Еблом не шелкать. Окрысились все! Вперед.

По широкой гати чапали по щиколотку в воде, не торопясь, обращая внимания даже на незначительный звук из болотных глубин. Гать вывела на наезженную колесами телег тропу. Только поднялись на возвышенность, как из кустов с разных сторон на них набросились волкодлаки. С зубастых пастей на землю падали хлопья пены и слюней. Глядя на все это, Горбылю в голову пришла мысль о хворобе, называющейся у медиков бешенством.

Несмотря на то, что среди нападавших были две матерые особи, с ними разделались за полчаса, поставив жирный крест на всю дорожную банду. Стащив тела в кучу, Горбыль, потирая от удовольствия руки, дал короткую передышку, после которой отряд двинулся дальше. Кроме покусов на руках и ногах потерь не было. Не радовало только одно – вечерело.

Между тем гать, спустившаяся с острова, уже в сумерки привела их на другой остров, гораздо больших размеров. Натоптанная дорожка закончилась у порога терема, окруженного хозяйственными постройками, конюшней, за которой в рост человека стояли пяток стожков пересохшего прошлогоднего сена. Дальше отхожее место, стилизованное под игрушечных размеров избушку, а за ним телеги и повозки, поставленные рядами; они были загружены разномастным добром, разбросанным и невероятно перемешанным. И ни души, хоть зови, все равно никто не ответит.

– Я, так понимаю, что пришли, – подвел итог Горбыль, глянув в лица своих пацанов. Сложив ладони рупором, крикнул в них:

– Э-эй, мы пришли. Полесун, покажись, чего прятаться-то? Все равно тебе песец припрыгал.

– Ты сначала меня найди! – эхом разнеслось со всех сторон.

– Как скажешь. Разобраться по тройкам. Хран, пойдешь четвертым в тройке Кветана.

– Есть!

– Жду всех у входа в терем. Первая тройка, забираете вправо, на второй – центр, третья – влево. Начали. Не забывайте контролировать друг друга.

Ожидающий результатов Горбыль, стоя у резной теремной лестницы, всю отмахивался от пернатых. Болотные комары совсем озверели, тучами мессершмиттов налетели на пропитавшегося потом Сашку, норовили влететь в ноздри и рот, забраться в глаза. Он, как мог, отмахивался от них, потихоньку зверея и сам, нагревался до белого каления.

Колдун, по возрасту был и сам не старше Сашки, поэтому не стал сразу брать пришлых в оборот. Скучно! Можно сказать, в жопе еще играло детство. Живя на болотах, так мало развлечений. Жаль, конечно, взлелеянной стаи волкодлаков, но за три года они здорово наскучили ему, надо придумать что-то новенькое, веселое, очень неприятное для людей. От болотной нежити он колдонул весь остров, и она его больше не допекала, сосуществовали, не вмешиваясь в дела друг друга.

Полесун с интересом рассматривал юнца, делающего обход у крайнего стога. Как раз пятым стожком был колдун, иллюзия делала его неотличимым от остальных натуральных. Парень остановился в шаге от него, держал клинок в правой руке, прикрыл половину груди круглым щитом.

– У меня чисто, Кветан, – подал парень голос, обернувшись к конюшне, оставляя за неприкрытой спиной свою смерть.

– Добро, Хран! – откликнулись в ответ.

Полесун сделал шаг к воину, левой рукой облапил его вокруг груди, ухватил за плечо, правой зажал рот, дав возможность повести подбородком влево. Резкий рывок в сторону. Хруст! Тело человека безвольно оседает под своей тяжестью на землю. Наклонившись над ним, колдун присмотрелся к мертвому юноше. Распрямылся над телом уже живой Хран, один в один похожий на лежащего мертвеца. Примерившись, забросил убиенного на плечо, прошел к избушке-нужнику, открыл дверь и пропихнул в отверстие ямы свою жертву. Вернувшись, подобрал саблю и щит, двинулся к конюшне, веселье переполняло его. Совсем не жалко оборотней, потеха стоила таких потерь. Нет, надо остепениться. Не все сразу. Чашу веселья надо пить по капле, не пьянея от крови. Надо посмотреть на всех со стороны. Это не зрелые рассудительные вороги, это дети. Как же все-таки весело.

На улице окончательно стемнело. Воины с неутешительными вестями группками подходили к сотнику. Сашка присмотрелся. Все!

– Идем в дом. Может, он там, – распорядился Горбыль. – Осветите все комнаты, шерстите второй этаж. Я закрою входную дверь, обожду всех в горнице.

Реалии десятого века однажды преподала ведунья Павлина. Сашка прослушал многочасовую лекцию с вплетенным в нее узором примеров из жизни, слухов и небылиц. Переважив информацию, на следующий день, приехав к деревенской знахарке, еще много часов задавал ей вопросы, скрупулезно фильтруя ответы. Сейчас он решил испытать, так сказать, одну из домашних заготовок, припасенных к случаю.

Пока все, топая по лестнице, потянулись наверх, Сашка из носимого на поясе замшевого кошель достал пузырек. Он привез его много лет назад из Доростола, с тех пор ни разу не открывал, но всегда носил при себе. Быстро вскрыв пробку, извлек из ножен боевой нож, обильно, не жалея содержимого пузырька, облил и клинок, и рукоятку священной в доростольской православной церкви водой. Скорым шагом войдя в горницу, сразу направился к деревянному столу огромных размеров. Присев, подлез под него, с размаху всадил освященный клинок под столешницу.

«Вот так! А теперь будем поглядеть».

В горницу, гомоня и споря, всей толпой ввалились юнцы с горящими свечами в руках. Сашка и сам, пока ожидал парней, зажег в помещении найденные в нем восковые свечи.

– Нет никого, батька, – за всех доложился Кветан.

Горбыль вновь пересчитал всех. Все на месте. Хорошо! Поднялся с лавки, руками раздвинув в стороны парней. Прошел за дверь. Гаркнул снаружи:

– Как это никого? А это что за х..?

На возмущенный голос начальника из терема как ошпаренные выскакивали бойцы.

– Раз, два, ...девять, – посчитал Горбыль. – Кветан, кого нет?

– Все здесь.

– Не торопись. Как следует глянь.

– Храна нет.

Горбыль, не торопясь, поднялся по ступеням к открытой входной двери, заглянул внутрь. Из терема на него смотрел Хран, непонятливо хлопая глазами.

– Пацана куда дел? – спросил тихим голосом Сашка.

– Батька, я...

– Ну, выйди ко мне.

Полесун уже понял, что его провели как несмышленного мальчишку. Лицо Храна смотрело на Горбыля чужими, пылающими ненавистью глазами, в которых одна за другой читались мысли, направленные на то, как вырваться из капкана.

– Вот видишь, выйти-то ты и не можешь.

– Я прокляну тебя самым жестоким проклятием. Я уничтожу вас всех! – заревел колдун.

– Пустое. Сидя в тереме, ты не можешь причинить нам вреда.

Молодые воины с удивлением смотрели на перепалку сотника с их товарищем. Не понимали, что же случилось. Сотник спустился на землю, устало произнес:

– Парни, поджигайте терем с четырех углов. Пусть он сгорит, дотла очищая нашу землю от колдуна и его чар.

Пламя запылало, пожирая сухую древесину, пробегая по сторонам, соединялось в общий костер. Русичи молча смотрели, как в окнах мелькала тень, совсем не похожая на Храна. Треск пожара, подстегнутого порывами непонятно откуда-то вдруг взявшегося ветра, эхом разносился в ночи. В освещенном проеме двери возник незнакомый человек.

– Слышишь меня, сотник?

Сашка промолчал, говорить с живым покойником не было никакой охоты.

– Вы все равно не покинете остров. С моей смертью колдовство исчезнет, и сюда ринутся сотни ночниц, выползет болотная нежить. Я жалею только об одном. О том, что не увижу, как вас будут жрать живьем. Аха-ха-ха-ха!

Сашка сплюнул под ноги.

– Ну, что за жизнь пошла, ни минуты покоя нет. Родина требует героев, а гм-м... рождает вот таких вот уродов. Квет!

– Я, батька.

– В конюшне лошади есть?

– Десятка два в стойлах стоят. А что?

– Все к конюшне. Этот засранец прав. После того как он сдохнет, туго нам придется. Ищите лопаты и заступы, окапывайте конюшню по кругу.

Разделившись, бойцы под освещение горевшего дома, пары зажженных факелов и полной луны рьяно бросились отбрасывать дерн на сторону, окапывая по кругу конюшню.

– Все, – запыхавшись, доложил Кветан. – Круг есть.

– Все внутрь.

Горбыль, не поленившись, прошел по всему кругу, проверяя, нет ли где разрывов. Достал из пришитого к подкладу кармана листок бумаги с надиктованными бабкой Павлой текстами заклинаний.

– Та-ак, не это, не это. Вот оно.

Сашка вздохнул, посмотрел на небо, увидел, как серебрятся в ночном небе облака под светом луны.

– Прости меня, Господи, будем надеяться, что поможет.

Вошел в круг и монотонно стал зачитывать наговор:

– Небу синему поклонюсь, реке улыбнусь, землю поцелую, в росе умоюсь, Срече порадоюсь. Доверюсь вам во всякий день и по всякий час, поутру и повечеру... Поставьте вокруг меня тын железный, забор булатный, от восхода и до заката, от полдня и на полночь. Пусть вырастет он до небес... Оградите сварожичей от нежити и нечисти, от черного и белого, от русого и двоезубого, от троезубого, от одноглазого и красноглазого, от косоного и от слепого, от всякого ворога, да по всякий час. А с поставленного забора всяк недобрый взгляд соскользнет да назад не воротится.

Весь без остатка отдавшись трехкратному повторению заговора, он, только закончив произносить заклинание, ощутил на груди жжение от своего нательного креста. Сунув руку под кольчугу и рубаху, вытащил наружу еще горячий крестик.

– Однако. Глядишь, и поможет-то бабкин наговор.

Зайдя в конюшню, распорядился:

– Двери закрывайте. Забаррикадируйте их вон тем хламом. Всем сидеть тихо, как мышам, быть готовым успокоить лошадей. Всё, ждем.

Снаружи, со стороны горевшего терема, раздался шум глубокого выдоха:

– Вху-уг!

Это сгоравший дом колдуна рухнул вниз, погребая первый этаж под еще не сгоревшей полностью крышей. Кони в стойлах забеспокоились, затоптались на месте в своих денниках. За пределами конюшни явно что-то происходило. Все рассредоточились по огромному, высокому помещению, каждый пытался найти щель в стенах, прикинув к ней, чтобы хоть что-то разглядеть во дворе.

В какой-то момент Горбыль осознал, что колдун погиб, склеил лапы в доме, как говорится, сгорел на работе, туда ему и дорога. Над широким двором, хлопая кожистыми крыльями, пролетела стая летучих мышей. В узкую щель было трудно разглядеть пернатых. Левым краем стая напоролась на заговоренную стену невидимого круга, посыпалась вниз, ломая шеи и крылья. Остальные, сделав разворот, осели на ветвях ближайших к жилому пятаку деревьев. Разволновавшиеся лошади били копытами в деревянные щиты стойл, несмело подавали голоса, предчувствуя неладное за стенами конюшни. А там было на что посмотреть. Такого количества уродцев и чудаковатостей Горбыль за всю свою жизнь еще ни разу не видел.

Из болота на остров, продираясь сквозь кустарник и сминая его, двигаясь по дорожкам и тропкам, выползали разномастные особи. Отовсюду слышался клёкот, обрывки человеческой речи, детский плач и старческий смех. Кто-то, подвывая, в личине человека, кособоко подтаскивая ногу одну к другой, проследовал через двор. Стайка девок в опрятных сарафанах пробежала мимо, мазнув взглядами по прочным стенам конюшни. Уже знакомый Сашке дедок с суковатой палкой, подойдя к горевшему терему, постоял в раздумье у пожарища, скрылся в темноте. Повсюду мельтешили уроды. Если б не трагичность момента, Сашка отнес бы их к категории клоунов-недоучек. Прикольно переругиваясь между собой, обзывая друг друга непотребными словами, они нарезали круги и петли по территории подворья. Каких-то выползней можно было рассмотреть почетче, не торопясь. Они змеились по земле. С десятков болотниц пеликаньим шагом продефилировали рядом с заговоренным кругом.

– Мама дорогая! – сам себе зашептал Горбыль. – Куда же все это исчезло, не дотянув до двадцать первого века? Ученые зоологи, увидев бы сейчас все это, отгрызли б себе локти от зависти.

Слева от себя Горбыль уловил посторонние звуки. Глухой, монотонный, совсем тихий стук отвлек его внимание от созерцания происходившего снаружи. Скосив взгляд, наткнулся на прикинувшего к щели Наседу, непрерывно пялившегося на болотную нежить. Звуки, привлёкшие Сашкино внимание, были стуком зубов парня.

– Что, сынку, страшно?

– Д-да! – не попадая зуб на зуб, откликнулся Наседа.

– Так ты и не смотри туда.

– Н-не могу н-не смотреть. Тогда еще с-страшнее с-становится!

– Ну-ну. Кстати, скоро рассвет, ночь на исход пошла.

Нечисть колобродила почти до первых лучей солнца, так и не нарушив границу обережного круга. Ретировалась так же быстро, как и появилась, оставив после себя вытопанную траву по всей округе.

Сашка вышел из конюшни, устало потянулся, улыбаясь солнечным лучам.

– Хорс поднимается на своей колеснице! – восторженно промолвил вставший рядом Кветан.

– Ага, а по двору словно стадо слонов потопталось.

Никто больше не хотел оставаться на злополучном острове. Команду сотника готовиться в обратную дорогу восприняли с радостью, несмотря на то, что кишки играли походные марши на самых низких нотах.

Теперь уже побывавшие в лихих передрягах воины сноровисто выводили из конюшни лошадей. Горбыль, обойдя телеги с неразгруженным добром, отобрал самые «сладкие». Зачем колдуну столько барахла, понять так и не смог. Видно, к крови колдовской примешались капли из семени израилева, византийского и печенежского, все разом, или еще в детстве получил воспитание от хозяина рачительного и скаредного, но теперь этого уже не узнать.

Двадцать две телеги, по числу лошадей, нагруженных сукном, медом, воском, крицами железа, зерном и маслом, выделанными кожами домашней скотины и шкурами самых разных пушных зверей, добрым оружием, да и другим хозяйским барахлом, караваном потянулись по болотной гати, выплескивая из-под колес бурую жижу. Бойцы, контролируя каждый свой шаг, были готовы к любым неожиданностям. За последней телегой шел пешим шагом сотник, бросая косые взгляды то вправо, то влево, часто оглядываясь назад.

Когда последняя телега миновала болота, колесами покатила по твердому грунту лесной тропы, к Горбылю подбежал радостный Кветан. С восторгом от переполняющих его чувств воскликнул:

– Вышли, батька!

– Вышли, сынок, – словно подводя итог, вымолвил Горбыль.

– Знаешь, а ведь на острове осталось еще много добра. Отгоним домой этот караван, возьмем за остальным. Правда ж, здорово?

– Нет, Кветан. Сюда я больше не ездец. Пропади оно все пропадом. Ты не забывай о том, что это добро кровью оплачено. Хран погиб, а мы даже тело его не нашли. Но это ничего, сынок. Так иногда бывает в разведке. Есть приказ, группа ушла в поиск. При боестолкновении кто-то погиб, кто-то пропал без вести. Хуже всего, что придет время, когда таких пропавших героев объявят предателями.

Горбыль ненадолго задумался, беря воспоминания о грядущем, шагая рядом с телегой на автомате, возвращаясь в реальность, подтолкнул в плечо Кветана.

– Давай, шуруй в голову колонны.

Оставшись один, меряя шагами пройденный путь, произнес шепотом:

– Радуйся, мальчик, что одержал победу. В твоей жизни она первая и самая сладкая. Сегодня твой день. Радуйся солнцу и небу над головой. Радуйся, что просто выжил.

5

У границы с Диким полем, в лесной глуши, Савар ожидал увидеть все что угодно, но только не то, что увидел. В живописной долине, у довольно широкой реки Псёл, раскинулся город, схоронившийся за высокими, каменными стенами, с башнями и бойницами, одетыми в кирпичную кладку. С каждой стороны стены тянулись на большое расстояние, а выступающие из них башни подчеркивали крепость и неприступность всей конструкции. Подвесной мост был опущен, переброшен через широкий вал с глубоким рвом, прорытым по периметру цитадели. На верху карниза, над галереей южных ворот, на крепком древке развевался стяг с изображением летучей мыши, распростершей крылья над непонятным Савару славянским символом, представлявшим собой слегка растянутый в стороны круг с продольными и поперечными линиями.

Их, продвигающихся с проводником по землям русов на лошадях, заметили с крепостных башен еще издали, никакой тревоги своим появлением они не вызвали. Все так же спокойно у лодок и лодий на реке трудились люди, лишь из любопытства бросавшие взгляд на прибывших. На дальних от крепости огородах ковырялись в земле женщины.

У самых ворот кавалькаду остановили. Пятеро одетых в брони воинов вышли за пределы городских ворот. Старший наряда задал вопрос русичу, сопровождавшему хазар:

– Растич, каким ветром тебя принесло до дому? Людогор-то где?

– Я тоже рад тебя видеть, дядьку Простивой, – широко улыбаясь, отповел старшему дозора их сопроводитель. – Сотник дела на заставе сдавать готовится. Меня отправил вот провести гостей к Горбылю.

– Кто такие будут? – мотнул страж бородой в сторону прибывших.

– Друзья.

– А узкоглазый, повязанный по рукам, тоже друг?

– То пленник.

– Горбыля в погосте сейчас нет. Уехал Черниговский тракт чистить. Гости к боярину Гордею веди.

– А то б я сам не догадался. Добро. Кто нынче дежурным по гарнизону?

– Михайла стоит.

– Доложись о прибытии, а мы сразу в терем поедем.

Проехав ворота, всадники очутились в городской черте. Савар и здесь не разочаровался в увиденном. Чистота и спланированность улиц не походила на то, что ранее видел в городах, где постройки кучились как попало. Добротность построек, крепость деревянных заборов и ворот в каждом дворе, избы, иные постройки, торговые ряды базара, лавки купцов – все указывало на то, что бедностью в этом углу княжества даже не пахло. Сам народ не суетно, не отвлекаясь от дел, жил повседневной жизнью, управляемый твердой, умелой рукой. Разглядев кого-то у лабазов, Растич громко окликнул бородатого, одетого опрятно, но без каких-либо изысков человека, по повадке, видимо, привыкшего руководить людьми:

– Здрав будь, дядьку Боривой!

– И тебе не хворать, племянничек.

– Ось, глянь, из Хазарии гостей по приказу сотника Людогора привел. Сейчас к боярину представлю, а там и на гостиный двор. Жильем обеспечишь?

– Приводи, для хороших людей всегда место найдется.

– Добро.

Уже отъехав, Савар допытался, с кем это Растич говорил.

– Боривой. Правая рука нашей боярны, ее помощник по хозяйству на всех землях нашего племени, а коли поход воинский, так у боярина начальником тыла значится. Великого

ума человек, с дружиной в Булгарию ходил, вои им очень довольны были. Когда у других бояр дружины голодали, наши, конечно, не жировали, но и с голоду не пухли. Торговые дела в погосте тако ж под его дланью стоят.

Изнутри крепостные стены тоже отличались самобытностью постройки. Проезжая мимо, хазары подивились шириной лестниц, ведущих на галереи второго этажа, покрытых двускатными крышами, защищавшими воинов от стрел противника. Видя проявленную заинтересованность хазар к крепостным стенам, Растич с готовностью сообщил, указывая на верхний парапет укреплений:

– Высота больше трех саженой. По открытым коридорам второго яруса можно насквозь, через проходы в башнях, обойти всю крепость и вернуться к месту начала обхода. Пять лет все селенья в пограничье строили сей детинец. Начинали с деревянных стен, закончили, как сотник Горбыль сказывал, каменным монстром. Однако мы подъехали.

У широких ворот, одна из створ у которых была открыта, Растич соскочил с лошади на отсыпанную речным песком дорогу. Оповестил юного воина, караулившего ворота:

– К боярину гости из Хазарии.

Кивнув в ответ, вой кликнул кого-то в глубине двора:

– Сердюк, Путыня, принимайте лошадей у гостей.

На его зов выбежали двое разбитных мальчишек, подхватили лошадей за узду. Кони, дичась, отступали назад, но потом все же неохотно пошли в ворота. К приезжим подошел одетый в одежду из домотканой холстины бородач, с круглой серьгой в ухе, опоясанный мечом каролингского типа.

– Зван, пригляди за пленником, – распорядился он. Обращаясь к гостям, предложил: – Идемте в терем.

Боярин принял хазар у себя в светлице, большом, обставленном не по местным традициям помещении, действительно светлом, с застекленными окнами, с узорчатым шелком штор на них. Кресло, в котором он сидел, стояло на возвышении. Савар знал еще по рассказам покойного отца, что такое возвышение в княжеских хоробах называлось столом. По левую руку от боярина в кресле поменьше сидела молодая красивая женщина в дорогой одежде русского покроя, уже не раз виденного хазарами в путешествии по славянским деревням и селищам. Еще две женщины, по возрасту схожие с боярыней, восседали в креслах у окон. Чуть дальше, оперевшись о стену, калачом сложив руки на груди, стоял крепко сбитый, одетый в броню, с мечом на поясе, воинский муж, с ярко-рыжими усами и длинным чубом на голове.

– Исполать тебе, боярин! – поздоровался Растич с поклоном.

– Здравствовать тебе и всему твоему роду, тархан русов, – поздоровался Савар, и вместе с ним дружно поклонились его люди.

– И вам здоровья, добрые люди. С чем пожаловали?

Растич выдвинулся к боярскому столу, на ходу извлекая из-за пазухи свернутую в трубочку бумагу, протягивая ее Монзыреву.

Такое дорогое удовольствие, как бумага, ранее закупалось Боривоем на рынках Киева и Чернигова. На завезенную из Византии бумагу приходилось тратить немалые средства, сам Боривой, отдавая звонкую монету за белые листы рисовой соломы, страдал. Умолял Монзырева прекратить транжирить деньги на баловство, доказывал хозяину, что даже купцы используют в деле письма бересту или восковые дощечки. Не помогало! На выручку жмотистому хозяйственнику пришли боярышни Анна и Людмила. Они объяснили Боривую, что для производства своей бумаги требуются старые рваные тряпки, другая мягкая рухлядь, вышедшая из употребления, рассчитали сам процесс производства, и дело пошло. Боривой радовался как мальчишка, за дорого сбывая излишки серой бумаги на рынке Курска. С тех самых пор улучшилось качество самой бумаги, а гонцы доносили вести не только на словах, но и на бумажных носителях.

Шесть лет уж минуло с тех пор, как Людмила и Анна заставили начальников от низового до среднего звена в монзыревской дружине выучиться грамоте. Уметь читать и писать было одно из требований боярина к людям, управлявшим воинскими подразделениями. Не мудрствуя, женщины ввели в обучение грамматику двадцатого века, чего огород городить, когда уже все придумано.

«Здрав будь, боярин Гордей Вестимирович.

Направляю тебе пришедших до нас хазар во главе с княжичем Саваром. Сей вой когда-то давно спас твой вороп, вывел его из-под удара печенегов и был приглашен в гости сотником Горбылем. Несчастье постигло весь род княжича. И такое же несчастье нависло в сё лето над Русью. Княжич обо всем обскажет на словах, передаст на руки захваченного им пленника. Прошу, прими его до себя и приветь, как ты всегда привечаешь друзей. Долг платежом красен.

За сим прощай, боярин.

Писано на заставе деревни Рыбное, сотником Людогором».

Монзырев передал письмо Галине, анализируя скудную информацию из записки, пригляделся к хазарам, не торопился задавать вопросы.

– Спасибо, Растич. Иди, отдыхай, нужен будешь, призову, потолкуем.

Поклонившись, сопровождающий вышел за дверь.

– Присаживайтесь, воины. В ногах правды нет, – жестом указал на длинную лавку покрытую ковром, стоящую у слепой стены. – Рассказывай, княжич, что произошло с твоими родными и какой помощи ждешь от меня? Знаю, проголодались с дороги, но сначала дело, успеем еще поесть да вина попить.

Савар, несмотря на упреждающий жест боярина, все же встал с лавки, склонил голову в поклоне, прижав руку к груди, только после этого поднял глаза на хозяина.

– Я, шад Савар сын Кофина, приехал к тебе, боярин, не за помощью и не в гости. Приехал предложить свои услуги воина. Используй нас четверых, последних оставшихся в живых из рода, когда враг придет на твою землю. Клянусь стать с оружием в руках у твоего плеча и, если потребуется, умереть рядом с тобой.

– Добро! Ты говори, говори все, что знаешь про ворогов.

Ненадолго задумавшись, Савар начал свое повествование с того места, когда они четверо вернулись с охоты в поместье. Закончил свой рассказ словами:

– Теперь нас можно назвать только изгоями без рода и племени, но все еще способными на такое чувство, как месть.

– Мы можем принять вас в дружину кривичей, с обязательствами защиты и покровительства с нашей стороны, – вопросительно глядя на Савара, подытожил Монзырев.

– Не может быть! – сорвалась с места Людмила. – Анатолий Николаевич, этого просто не может быть! Я хорошо помню, что из Ипатьевской летописи известно о первом появлении кипчаков у границ Переяславльского княжества.

Людмила, недипломированный учитель истории, напрягла память, и это отразилось на ее красивом лице.

– Год одна тысяча пятьдесят пятый, я же хорошо помню. Тем более что первоначально половцы заняли районы среднего и нижнего течения Северского Донца, нижнего Дона и Приазовья. Именно там кочевники установили каменные изваяния в честь умерших предков. До появления половцев должно пройти еще не менее семидесяти лет. А воевать русскую землю они начали только с тысяча шестьдесят первого года. Анатолий Николаевич, с нашей историей все это не сходится.

Поднявшись со своего кресла, Монзырев усадил Людмилу на ее место.

– Успокойся, Люда. Лобан! – громко позвал он, и тут же в открывшуюся дверь вбежал приведший в светлицу хазар воин. – Давай пленника сюда.

– Слушаюсь, батька.

Раньше половца в светлицу вошел молодой человек, одетый в чистую, чуть выше колен, белоснежную рубаху с широкими рукавами, подпоясанную поясом. По вороту и на концах рукавов рубаха была расшита цветным орнаментом рун. Порты всунуты внутрь высоких, выше колен, сапог из тонкой, мягкой кожи, стянутых на щиколотках ремешками. Он был безбород, но носил усы, спускавшиеся на подбородок.

– Позвольте присутствовать, Анатолий Николаевич?

– Проходи, Слава. Вот, знакомься, хазарский княжич Савар со своими товарищами. К нам в пограничье на службу пожаловал.

Вячеслав, в прошлом воспитанник Вестимира, а теперь и сам волхв-стажер, проходящий обучение у северянского волхва Святогора, посмотрел на молча сидевших на лавке хазар. Улыбнулся Монзыреву. На его вопросительный кивок ответил:

– Все путем, Николаич.

Прошел на свое узаконенное место в этой светлой комнате. Напрягшийся было боярин успокоился, поерзав, удобнее устроился в своем кресле, глянул на все еще вышедшую из душевного равновесия Людмилу, порывающуюся что-то сказать.

– Ну? – разрешающе промолвил ей.

– Знаете, Анатолий Николаевич, – Людмила горящими глазами поела старшего товарища. – А ведь о нашем городке в истории даже воспоминаний не осталось. Почему?

– Не знаю, Люда, – честно признался Монзырев.

На приведенного половца со всех сторон посыпались вопросы, Славка не только переводил, но и читал сокровенные мысли пленника. Спрашивали обо всем. Численность орды, кто привел, зачем, куда и когда собрались в набег на Русь. От такого прессинга кочевник потел, каждую минуту ожидая, что его будут бить и пытаться. Выжав половца как лимон, боярин, теряя к нему интерес, бросил Лобану:

– В холодную этого интуриста. Накормить не забудьте, – обратился к присутствующим. – Что скажете?

– Толя, это война, – обеспокоенно пролепетала Галина.

– Херсир, необходимо срочно ставить на уши всех, кого сможем, – сказал, словно отрезал, Рагнар Рыжий. – Убирать заставу у Рыбного, а смердов отводить в леса. На восход вдоль реки устроить плотный, непроходимый завал по всей дороге, как тогда с печенегами. Оповещать Чернигов, Курск, другие города. Оповещать северян. Дружину надобно собирать. Так?

– Это ты верно расписал, Рагнар Фудривич. Хотелось бы еще знать, сколько у нас времени осталось до всей этой свистопляски? Что скажешь, Слава?

– Анатолий Николаич, я не волшебник, я только учусь, – невесело пошутил Славка словами мальчика Паши из фольма «Золушка».

Хазары с интересом и удивлением наблюдали за происходящими в светлице разговорами, пытаясь въехать во многие моменты обсуждения.

– К Святогору поеду, – оповестил Вячеслав. – Во-первых, может, что подскажет, во-вторых, деревенских в дружину сколотим, а то, пока бояре раскачаются, так и половцы дальше порога пролезут.

– Добро. Рагнар, отсылай Растича обратно в Рыбное, завтра с утра пусть мухой скачет. Ратмира, если догонит, пусть развернет назад, а дальше Людогору передаст приказ на свертывание.

– Понял, херсир.

На лице Анны проскользнула довольная улыбка. Расставалась с мужем на полтора-два месяца, а он через неделю вернется. Это не укрылось от Галкиных глаз, которая, отвлекшись, чуть не прослушала обращавшегося к ней Монзырева.

– О чем задумалась?

– А?

– Я говорю, ставь задачу своему проныре Боривою, чтоб завтра все старейшины близких и дальних деревень к вечеру были у меня. Пусть высылают посыльных.

– Хорошо, милый.

– Да-а! И пусть гостями займется. В баню сводит, на котловое довольствие возьмет, поселит, – обратился к молчавшим хазарам, извиняющимся тоном сказал: – Вы уж простите, други. Сами видите, какая заваруха начинается, но вас поселят и обиходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.